

**АНДРЕЙ
ВОРОНИН**

ПОСЛЕДНЕЕ
КУПЕ

Андрей Воронин

Последнее купе

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Последнее купе / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-2854-4

Мир наркобизнеса – жестокий и кровавый мир. В этом сполна убедились главный герой романа Георгий Пятаков и его подружка Елена Лозовская. Можно удивляться стойкости, с которой Жора, а с ним заодно и хрупкая Лена борются с матерыми бандитами-наркокурьерами. Казалось, сто раз они могли умереть, но...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-2854-4

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Воронин

Последнее купе

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

* * *

Глава первая

г. Романово, 46-й градус северной широты

1.

Дверь с табличкой «Хирург» открылась, голос выкрикнул:

– Костецкий!

Спустя пять минут:

– Данилов!

– Ляхов! Бегом!

Жора помирал. Голова гудела, как трансформатор. Он проиграл вчера Вирусу свои последние деньги, а потом залез в долг на две или три сотни долларов, которых у него нет и никогда не будет.

– ...Латушко!

Он разбил в «Пирамиде» два бокала, кувшин, чью-то смутно знакомую рожу за соседним столиком, смял в лепешку мельхиоровый шейкер, которым Митрич, бармен, всю дорогу гордился, как последний дурак.

– Субботин!

– Клячко!..

Еще он познакомился с москвичкой – Ритой или Ларисой, блондинкой, непонятно было, что она забыла здесь, в Романове. Спросить не успел. Они только раз поцеловались взадос в дамском туалете, а потом оказалось, что за ней приехал супруг. Супруга Жора уже не помнил.

– Щученко!

– Никифоров!

– Держите строй, калеки, не разбредаться!

«Пивка, – молча молил Жора. – Пивка. Отче наш, иже еси на небеси, дай мне глоток пивка». С пузырьками. Свежего. Пивка из мокрой холодной бутылки, где этикетка сползает сама, как платье с этой... Ларисы. Или Риты.

Жора открыл глаза и увидел перед собой жирную волосатую спину. Он ткнул в нее согнутым большим пальцем.

– Леха, алло!

Леха Дутов всколыхнулся и пошел волнами, он толстый и безобидный.

– Ты чего? – спросил Леха.

– Дай пять тысяч, десантник хренов.

– Где я тебе их возьму?

Леха щелкнул резинкой своих трусов, показывая, что бумажника при нем нет. Вот дурында. Жора сглотнул и отвернулся. Какое-то нехорошее предчувствие мучило его. Все схвачено, за все заплачено, все-все-все... И все-таки. Смыться бы отсюда. Вообще. Амстердам. Марсель. Мыс Нордаун. Да хоть Куала-Лумпур.

Кто-то в очереди сообщил:

– Хирург баба. Новенькая.

И все двенадцать полуголых мужиков, покрытых густой растительностью от ключиц до пяток, многие из них женаты, кто-то даже успел детей нарожать, чтобы продлить отсрочку – все подумали об одном и том же: «Хирург баба, это ж надо.»

– Еремеев!

– Симончик!

– Газаев!

Потом вызвали Дутова. На него комиссия потратила не больше минуты, и голос наконец выкрикнул:

– Пятаков!

Жора сложил руки крест-накрест на причинном месте, сделал умное лицо и прошел в кабинет.

2.

Вокзал в Сочи гудит, словно улей. Курортная жара. До моря рукой подать, там мегатонны зеленой прохлады, там веселые девушки в мокрых купальниках – ну а здесь пахнет только асфальтом. Вокзал, одним словом.

Зеленые точки на электронном табло перестроились в цифру 40. Без двадцати двенадцать. До отправления поезда Сочи – Мурманск осталось три минуты, на перроне не протолкнуться.

Дородная женщина в синем форменном костюме, словно ледокол, режет толпу, в кильватере у нее семят трое голенастых студентов-иностранцев, увешанных спортивными сумками. Вот они кого-то толкнули, задели чей-то чемодан, нельзя ли поосторожнее, эй!.. вслед им летят ругательства, женщина лениво отбредивается. Наконец они подрулили к шестому вагону, там кавказец-проводник точит лясы с симпатичной пассажиркой в желтых коротеньких шортах.

– Ахмет, есть дело.

Кавказец широко улыбается пассажирке:

– Один момент. Потом дорасскажу, – и отходит вместе с женщиной-ледоколом в сторону.

– Что случилось, Нинок?

– Тут парни попросились, безбилетники, – вполголоса говорит Нинок, кося глазами на студентов. – Двести пятьдесят долларов, до Москвы.

– Ну и. – улыбается Ахмет.

– У меня в вагоне как сельдей в бочке, а у тебя девятое купе свободно, мне Ледкова сказала.

Ахмет посмотрел на студентов, которые как по команде оскалили лошадиные зубы, потом достал из нагрудного кармана сигарету и повесил на нижнюю губу.

– Нинок. Ниночка. Дорогая. У меня бронь в Романове, ты знаешь, что такое бронь?

– Да плевать все хотели на твою бронь. Романово – это не Ростов и не Саратов, перебудутся как-нибудь. В плацкартных вагонах есть места.

– Вот и отведи туда своих студентов, что за проблемы?

Нинок вздохнула всем своим огромным телом.

– Они заплатят триста, Ахмет.

– За триста твои ребята долетят и на самолете, там всегда есть места.

– Это хорошие деньги, Ахмет. Очнись.

– Извини, меня это... ждут.

Ахмет улыбнулся на прощанье и рванул обратно к пассажирке в желтых шортах. Нинок вздохнула еще раз, потом еще.

– Вот чурка гадский, – пробормотала она. – Совсем мозгов нет.

А студенты стоят, скалятся, переминаются с ноги на ногу, еще одни нерусские на ее голову, ни хрена не понимают.

– Ну что скалитесь? – рявкнула на них Нинок. – Засуньте свои доллары, сами знаете куда, и топайте на самолет, нихт ферштейн. Ничего вам здесь не светит.

3.

– Итак, Пятаков Георгий Владимирович, – невропатолог отложил в сторону медкарту. – Рассказывай, что там у тебя.

Жора вздрогнул и опустил глаза.

Невропатолог Симонян, мохнатый, как шимпанзе, читал его медкарту и шевелил пальцами в босоножках. Рядом сидел какой-то незнакомый военврач, а может, председатель комиссии, а может, просто шестерка, чтобы в магазин сгонять, если что. Хирург стояла у окна – баба. Новенькая. Светлые волосы до плеч, мягко очерченный рот, узкая девчоночья талия, ноги, грудь. И серые глаза по пять копеек. Вот такие глаза. Вчера в «Пирамиде» она показалась Жоре моложе, лет двадцать семь. Рита. Или Лариса. Сейчас она тянула на тридцать пять – но это отходняк, Жора понимал. Правая ее рука ни разу за весь вечер не выпустила стакан, за исключением тех нескольких минут, когда они с Жорой оба оказались в туалете и целовались, как озверевшие. «Вот это влип», – подумал Жора.

– В 1982 году упал с силосной башни, – завел он давно разученную песню. – В 1991-м сбило трактором. Головные боли по ночам, непроизвольное мочеиспускание.

– Очень хорошо, Пятаков, – сказал невропатолог, оборачиваясь к врачихе. – Прекрасно. Вот вам отличный экземпляр, Мария Геннадьевна, типичнейший случай.

Точно – Марина. Не Лариса, не Маргарита. Москвичка Марина.

– Мария Геннадьевна работает в столичном военгоспитале, собирает материал для кандидатской диссертации, – пояснил сияющий Симонян. – Снимай трусы, Пятаков.

– А какая тема диссертации? – спросил Жора.

– Не паясничай, Пятаков. Снимай.

Жора сделал умное лицо и потянул резинку вниз. Ну и плевать, пусть смотрит. Врачиха кое-как отлипла от стены, подвинула стул, села перед Жорой. Красная, как редиска. Пластмассовый шпатель в руке.

– Год рождения? – спросила она чуть не шепотом.

– Семьдесят седьмой.

– Когда начались проблемы. с мочеиспусканием?

– Сколько себя помню, – сказал Жора. Он всегда так говорил.

Врачиха опустила глаза, задышала. Смотрит. Жора уставился в потолок, стал считать мух на плафоне. Синие мухи, зеленые, серые, фиолетовые какие-то – штук двадцать, наверное, жирные, как боровы, сплошное сало, настоящие южнороссийские мухи, в Москве таких фиг где найдешь. Врачиха тем временем что-то спросила у Симоняна, тот ответил, засмеялся.

– Присядьте на корточки, Пятаков.

Жора присел.

– Теперь встаньте, ноги вместе.

Есть приказ.

– Повернитесь на триста шестьдесят градусов.

Никаких проблем, хоть на семьсот двадцать.

– Хорошо. Можете надеть трусы, Пятаков.

Невропатолог увлеченно покрывал медкарту своими каракулями, врачиха тоже что-то записывала в клеенчатую тетрадь. Вчера на ней было короткое «кока-кольное» платье, если бы муж не приперся так рано, она выпрыгнула бы из него в два счета, как виноградина из кожуры, оставалось только скомандовать: внимание, марш! А тут – кандидатская диссертация, встаньте, повернитесь, ноги вместе. Что ты, что ты.

Симонян закончил писать, захлопнул медкарту и сказал:

– Вот так, Пятаков. Подойдешь сейчас к своему военкому, к Рошину, он должен быть у себя.

Жора оторопел. Он не понял. Стоп, стоп, вот этой фразы в сценарии быть не должно, он точно знал.

– То есть как? Зачем к Рошину? И что мне ему сказать?

Симонян повернулся к врачу:

– Как вы считаете, Мария Геннадьевна, что призывник Пятаков должен сказать своему военкому?

Она опять покраснела, как редиска. Стрельнула глазами в стену, в дверь, в потолок. Потерла коленкой о коленку. Потом наклонила голову и впервые за все время улыбнулась:

– Вы абсолютно здоровы, Пятаков. Поздравляю вас.

4.

Подполковник Рошин пожал плечами.

– Что я тебе могу сказать, Георгий? Ну, значит, здоров. Быть здоровым не вредно, это научный факт.

Он достал из ящика стола кипу повесток и стал неторопливо тасовать их.

– Так, Пятаков... Пятаков... Вот он, Пятаков Георгий Владимирович. Распишись-ка здесь. Семнадцатого июня встанешь пораньше, оденешься во все старенькое и в восемь ноль-ноль, как штык, явишься на призывной участок, Майская площадь, 3. Сам не придешь – приведут. Убежишь – найдут. Доказано наукой.

Жора облизал пересохшие губы.

– Но ведь отец это, заплатил вам. деньги.

– Помню. Двадцать второго мая 1995-го, ровно три года тому назад. Шестьсот долларов ноль-ноль центов, как в аптеке. И я свое обещание сдержал: все эти три года ты болтался по городу, как дерьмо в проруби, а я тебя не трогал.

Жора ничего не понимал.

– Нет, он должен был принести деньги вчера вечером, девятьсот долларов, мы же договаривались!

– Вчера вечером? – Рошин залез в стол, достал оттуда пожелтевший номер «Красной звезды», уткнулся носом в первую страницу. – Ничего не знаю. Со мной никто не договаривался, никто не приходил, не звонил.

– Этого не может быть, это.

– Доказанный наукой факт, Георгий.

– Вы не понимаете, – Жора зачем-то встал и постучал себя кулаком в грудь. Кажется, он кричал. – Мне двадцать один год! Двадцать один!

– Но ведь не шестьдесят? Не девяносто? – отозвался Рошин из-за газеты. – Слушай, Георгий, тут ко мне должна прийти одна мамаша. я хотел бы поговорить без свидетелей. В общем, равняйся, смирно. Кругом марш. До скорого, Пятаков, не болей.

5.

Ахмет что-то учуял.

Насторожился.

Быстро вскочил на ноги и заправил выехавшую рубашку. Пассажирка вопросительно посмотрела на него, на всякий случай натянула свои желтые шорты. Ахмет повернул защелку в двери служебного купе, выглянул наружу, сухо сказал:

– Не скучай, я скоро, – и вышел в коридор.

Черт знает что. Поезд только полтора часа в пути, а лысый пассажир с тридцать второго места успел надраться до белых слонов. Он стоял в дальнем конце коридора, голый по пояс, полотенце торчит из кармана, подтяжки болтаются – и дергал ручку двери последнего, девятого купе.

– Послушайте, дорогой! – окликнул Ахмет, энергичным шагом приближаясь к нему. – Что вы там забыли, эй? Идите в свое купе!

Лысый оскалился и с удвоенной энергией принялся трясти дверь.

– Я непонятно выражаюсь?.. – Ахмет положил руку на потное плечо.

Шиманский Петр Вадимович, 1956 года рождения, украинец, прописан в г. Суоярви Петрозаводской области, ул. Северная, дом 5б, квартира. Кажется, 16. У Ахмета профессиональная память, а паспорт лысого гражданина он держал в руках не далее как сорок минут назад – сам гражданин был тогда лишь в легком подпитии. Паспорт настоящий, штамп прописки не вызывает сомнений, фото подлинное, в этом Ахмет тоже разбирался неплохо.

– Хочу домой! – ревел Петр Вадимович, вращая налитыми кровью глазами и выдергивая ручку из двери. – Домой! Почему меня не это. не пссс? – он тяжело икнул. – Не псскают?!

– Ваше купе дальше по коридору, товарищ, – сказал Ахмет, оглядываясь. В коридоре на мгновение показалась бабулькина голова в пигментных пятнах и тут же нырнула обратно. – Ваше восьмое, там буква «V» и три палочки, а это девятое – видите?

Ноль по фазе, лысый вцепился в дверь и не отпускал. Ахмет оглянулся еще раз: коридор пуст, пассажиры отдыхают. Он с разворота нанес короткий удар по шее Петра Вадимовича, и когда тот, булькнув, стал заваливаться набок, подставил ему плечо. Через пять секунд товарищ Шиманский тоже отдыхал – на железном полу в тамбуре, среди сигаретного пепла, а Ахмет вернулся к себе в служебное купе и нажал кнопку вызова дежурного милиционера:

– Балчи, это я, Гасанов, шестой вагон. У меня здесь пьяный, пришли кого-нибудь. Да, он в тамбуре, найдете без меня, если что. Спасибо.

Потом Ахмет защелкнул дверь и выдохнул:

– Жарко. Задрали все.

Он достал пиво из ящика, снял крышку и бросил в кассу четыре тысячи семьсот. Отпил из горлышка, поставил бутылку перед пассажиркой в желтых шортах. Пассажирка сидела у окна и наблюдала за бесконечной кинолентой майских садов и роц. Под столиком еле помещались ее сдвинутые крест-накрест длинные голые ноги.

– Это мне? – спросила она, увидев бутылку.

– Фирма угощает, – бросил Ахмет, падая рядом и привычно запуская ладонь за пояс коротких желтых шорт. Там было прохладно.

Глава вторая

1.

Жора шел домой, поминутно сплевывая на раскаленную солнцем брусчатку. Слюна была горькой и ядовитой от злости. Трансформатор гудел. Пива никто не налил. Леха Дутов смылся, десантник хренов. Да Роме что, ему продлили отсрочку, и всем остальным продлили: гуляйте, мужики, чего там, пейте! любите на здоровье! А Жора Пятаков вместо вас семнадцатого июня встанет пораньше, оденется во что-нибудь старенькое, пыхнет напоследок и в восемь ноль-ноль – как штык.

Вот так.

Жора шел и сплевывал. Перед ним на пять километров растянулась улица Горького, улица без конца и края, до чего меткое название: Горького. В конце этой улицы, на самой окраине, стоит Жорин дом, там Жорин папенька, главный инженер ПО «Резопласт», сидит за столом на веранде, наворачивает борщ со свиными ребрышками. Он уже полгода как приходит обедать домой, хотя по своим деньжищам мог бы запросто обедать в китайском ресторане и закусывать желтыми китайскими танцовщицами – всего-то дорогу перейти от конторы! Но у папеньки принцип на заднице вскочил, вот такая история. Поэтому он обедает дома, а его сынок скоро будет как штык стоять на Майской площади.

Почему он не отнес деньги Рощину, как обещал?!

Из кафешки навстречу выплыл в широченных бермудских шортах Гоша Липкин – хороший парень, верный друг, товарищ и все такое. когда имеешь при себе наличные. Сейчас Гоша ошивается с Вирусом и его компанией.

– Здоров, лапоть, с тебя должок, ты помнишь?

Жора молча прошел мимо и трижды сплюнул. Он сам не знал, чего в нем сейчас больше – злости или страха.

Итак, тридцатого апреля ему исполнился двадцать один год. Взрослый дядя, считай. Все его друзья отслужили, или откупились до 2003 года, или учатся в вузах, где есть военная кафедра. Жора единственный оказался лопух лопухом, пнем пень, даже папенькины связи не помогли.

Ничего, через месяц он резко помолодеет. Он будет налысо обрит, обскублен, вместо джинсов реггу's и прохладной футболки на дырочках будет хэбэ, вместо кроссовок – кирзовые сапоги, вместо стакана бренди в руке будет лопата, вместо ленкиных, нинкиных, наташкиных и прочих прелестей он будет держать собственное мясо под одеялом. Морда станет похожа на стреляную мишень – потому что «старичье» и сержанты не упустят случая поиздеваться над тупорылым новобранцем, который в двадцать один (это ж уметь надо!) умудрился загреметь в войско. А Жора, он не из таких, кто сжимает зубы и терпит... Терпеть он не будет. И каждый день, конечно, превратится в чеченскую кампанию. Даже почище.

Это труба.

Это землетрясение в Кинанабалу.

Это пробоина ниже ватерлинии.

Это.

– Жора! Жора! Подожди!

Жора остановился, оглянулся.

«Это полная задница», – додумал он. От автобусной остановки, раскидывая в стороны ноги, к нему бежала Леночка Лозовская, эта дура, мамина дочь, которую позавчерашним вечером он едва не лишил девственности на скамейке Октябрьского парка.

Он сделал зверское лицо и рывкнул:

– Чего тебе надо?

– Ничего, – Леночка, запыхавшаяся, остановилась перед ним. – Ты говорил, мы поедем сегодня смотреть Южный Крест. На Ясенское озеро.

Жора чуть не упал на месте. Южный Крест, стихи, звезды, луна, я встретил вас и все былое. Да она спятила, бедняжка.

– Когда я тебе это говорил?

– Тогда. Ну... тогда. Помнишь?

Леночка смотрела на него, и синие глаза ее сияли, а прядь волос, выбившаяся из-под бейсболки, летала вверх-вниз от ее дыхания. «Дитя ты горькое», – подумал Жора.

– Никакого озера не будет, – сказал он и пошел дальше. – Никаких звезд. Все. Хватит. И отцепись от меня.

– Но ведь ты сам сказал! Жора!

Она полушла-полубежала за ним, дурища, ноги в стороны. Никогда не прощу себе, думал Жора, то на какого-нибудь хирурга нарвешься, специалиста по половым органам, то на такую вот. Он вдруг остановился, сдернул с Леночкиной головы бейсболку и швырнул куда-то в кусты.

– В гробу я тебя видал с твоими звездами! – заорал Жора. – Отцепись!

Она так и осталась стоять на месте, словно в клей наступила – полудетская фигура, груди, как зеленые яблоки-дички, длинные антилопыи ноги коленками внутрь. Плачет не плачет – не поймешь. На плечи водопадом упали густые темные волосы.

2.

Жора поднимается по улице Горького выше и выше, а может, спускается ниже и ниже – хотя, скорее всего, он просто идет домой. Здесь его хорошо знают. На этой улице вся его жизнь. Эта улица – как годовые кольца на дереве.

Шесть кварталов до дома – вон она, виднеется, школа № 126, английский уклон, лучшая школа в Романове, все городские шишки стараются впихнуть сюда своих чад. Жора тоже учился здесь (спасибо, папа). В мужском туалете на втором этаже всегда можно было приобрести недорогую анашу. Здесь же вундеркинд-фотолюбитель Гарик Балгубян продавал свой порнографический журнал «Раздевалка» – сегодня там девочки из 8-го «Б», завтра из 10-го «А», а послезавтра завуч Нина Борисовна в окне собственной спальни.

Четыре квартала до дома – кинотеатр «Кенгуру», там обычно сидят подростки, десятый-одиннадцатый класс, пьют пиво и кока-колу. Жора там тоже в свое время сидел. Посидел и откинулся, слава богу.

Три квартала – поворот на Октябрьский парк, по-народному «Зверинец». Два гектара зеленых насаждений, уже к середине мая покрывающихся серой пылью и убожеством, единственное место в городе, где молодежь может вволю поразбивать себе головы, гоняя «под дымком» на роликах и дерясь с кем попало. По меньшей мере треть всех детей, которые сейчас дрыхнут в своих розовых колясочках на аллеях «Зверинца», – зачаты здесь же, в период с мая по сентябрь, с часу ночи до шести утра. Жора в свое время прошел и эти университеты, учился, учился и еще раз учился, и получил диплом с отличием, и. Какого черта он, спрашивается, потащил сюда эту дурочку Лозовскую?

Ладно, проехали.

В двух кварталах от дома – бар «Пирамида». Место, где собираются настоящие мужчины и опытные женщины, малолеткам здесь делать нечего. Последние годы «Пирамида» была вторым домом для Жоры Пятакова, здесь он оставил в общей сложности семь с лишним тысяч долларов, получил перелом носовой кости и ключицы, познакомился с полсотней дам, для которых нет ничего невозможного, и научился бить так, чтобы противник приземлялся на пол уже инвалидом 2-й группы.

«Зайти, нажраться?» – подумал Жора, оглядываясь на яркую вывеску, где патриот своего заведения Митрич собственными руками намалевал знаменитую пирамиду Хеопса, похожую на одну из тех собачьих кучек, которыми усеян Октябрьский парк.

Денег у Жоры не было, и никаких причин сворачивать с пути тоже не было, это верно. Научный факт, как говорит подполковник Рощин.

Однако Жорины ноги совершенно самостоятельно выполнили команду «нале-во», и – шагом марш! – повели его знакомой дорожкой, где каждый выступ и каждый камешек он знал, как родинки на собственном теле.

3.

Саша Зубрович по кличке Зебра оглянулся, поставил на стойку бокал с пивными кружевами по стенкам и толкнул соседа под локоть:

– Слышь. Этот явился – Пятаков...

Вирус поднял голову, посмотрел на Зебру – марсианин марсианином – и снова уперся лбом в стойку. Сплюнул под ноги.

– Где? – спросил он глухо.

– С Тонькой Ремез водку жрет, за третьим столиком. Да ты разуй глаза.

Разуваться Вирусу было лень. Он покачивался на высоком табурете, подбородок весь в слюне, глаза съезжаются к носу, это значит – скоро опять заскок найдет. Весь день его преследовала мысль, что он что-то забыл. Что-то важное.

– А кто он такой, этот... Пятаков? – спросил наконец Вирус.

Зебра постучал по пустому бокалу вилкой, тут же перед ним возник Митрич, задрал рыжие брови: сколько? Зебра показал два пальца. Через минуту стойку украсили еще два бокала светлого.

– Пятаков гнус, – ответил Зебра. – Гнус и жила. Он тебе вчера триста монет проиграл, а сейчас жрет «смирновку» и плюет на все.

– Вчера? – удивился Вирус. Он ничего не помнил. – Вчера?..

– Нет, завтра, – пошутил Зебра.

Вирус вздрогнул, медленно разогнулся и вперился в дружка дикий марсианский взгляд. Зебра невольно поежился.

– Эй. ты в порядке, слышь?

Все знали, что Вирус сел на какую-то дрянь, и сел прочно – то ли героин жрет, то ли грибы, то ли торчит на первитине. С некоторых пор понятия «вчера» и «завтра» стали терять для него свой первоначальный смысл. Вирус никогда не проигрывал в карты, всегда знал, у кого сидит червовая пара, у кого десятка не прикрыта, а кто только и ждет, чтобы разбить его бубну. Но при этом он все меньше понимал разницу между утром и ночью, между часами и минутами. Вирус мог лечь спать в шесть утра двадцатого мая и проснуться девятнадцатого – в начале второго ночи. Запросто. А когда он после этого выползал на улицу, лицо его было, как кусок сырого фарша. По большому секрету: Вирус ширялся по четвертому измерению, по «Четвертой авеню», которую он сам открыл, сам, вот этими самыми руками, – и никому, естественно, не рассказывал. Поэтому сейчас он с таким изумлением смотрел на Зебру. Завтра? Кто-то завтра проиграл ему, Вирусу, триста монет? И Зебра, значит, тоже знает?

Вирус что-то соображал, потом сплюнул еще раз. Взгромоздил руку Зебре на плечо, поднес указательный палец к губам и загадочно произнес:

– Только тш-шш. Никому. Теперь мы братья по разуму. Понял?

Зебра с опаской посмотрел в его марсианские глаза, закивал. Да, да, все понял, шеф.

– А теперь давай сюда этого гнуса, – сказал Вирус уже обычным голосом. – Пятакова. Или как его там.

Зебра прикончил свой бокал и поднялся из-за стойки.

4.

– Ой, Зебра, что я тебе покажу!.. – Тоня Ремез приподняла край юбки, там на бедре красовался свежий синяк. – Это перуанцы, – сказала она, едва не плача. – Такие маленькие, такие вонючие, злые!

От Тони сегодня пахло не только перуанцами, но и бедуинами, и друзьями степей калмыками – зато у нее были деньги, и она, вечная заочница Ростовского иныза, была одной из тех женщин, для которых нет ничего невозможного. Сорок тысяч до завтра? Никаких проблем.

Жора успел прикончить литр пива и сто пятьдесят водки и несколько раз запустить зубы в бифштекс, и когда Зебра подрулил к их столику, он был уже практически реанимирован.

Зебра вежливо оскалится в ответ на Тонины жалобы: перуанцы! ну что с них взять! – затем наклонился к Жоре и сказал:

– Вирус зовет на пару слов.

– Так срочно? – Жора показал на недоеденный бифштекс.

– Не переживай. Даже остыть не успеет.

Жора отрезал еще кусок, отправил в рот.

– Если насчет денег, Зебра, то сам понимаешь. Пусто. В долгах, как в шелках.

– Вот сам и скажешь ему.

Как только Жора, извинившись перед Тоней Ремез, пересел за стойку к Вирусу, дверной колокольчик за его спиной брякнул, и в «Пирамиду» ввалились Гоша Липкин, Назаров и Пилот. Все они ходят с Вирусом под ручку, одна команда.

– И ты здесь, лапоть? – обрадовался Липкин, увидев Жору. – Гулять будем, а?

Жора даже не посмотрел в его сторону. Он увидел Назарова: смутно знакомая рожа полтора на полтора, маленькие усики, фонарь под левым глазом, – и сразу вспомнил, как вчера засветил ему шейкером. Ну точно, это был он, за соседним столиком. Назаров тоже посмотрел на Жору, пару раз глупо моргнул – может, узнал, а может, и нет. Вновь прибывшие уселись за стойкой, заказали пиво, шашлыки, дружно задымили «лаки страйками». Митрич громко сказал, размазывая кетчуп по тарелкам:

– Если сегодня повторится то же самое, Жора, слышь?.. я сразу вызываю милицию – чтобы потом никаких обид! Ты меня хорошо понял?

– Когда я тебя подводил, Митрич? – улыбнулся Жора.

Перед ним тоже появился полный запотевший бокал, затем рюмка. Затем еще одна. Вирус опять уронил голову на стойку. Жора слушал вполуха, как треплются Зебра с Липкиным и Пилотом, потягивал пиво и собирался смыться отсюда, едва забрезжит дно бокала. И вдруг услышал:

– Сыграть хочешь?

Жора повернулся. Вирус открыл марсианские глаза и в упор рассматривал его.

– Я еще не рассчитался за прошлую игру, – осторожно сказал Жора.

– А плевать. Сыграем на долг. На «трижды три».

– То есть?

Вирус что-то промычал Митричу, Митрич тут же прикурил сигарету и воткнул ему в рот.

– Если выигрываешь ты, значит, ты мне ничего не должен. Это я тебе буду должен три раза по триста. Сколько это получается?

– Девятьсот, – сказал Жора.

– Ну вот. А если выигрываю я, то ты мне отдаешь долг и плюс еще девятьсот. И сколько это будет всего?

– Тысяча двести.

– Во!.. И все за один кон. Повезет не повезет. Бабки завтра до полудня. Играем?

Девятьсот. Волшебное число. Это как девять раз поздороваться за руку с Бенджамином Франклином, девять раз нажраться шампанским «Клико» и осьминогами, это девять часов с какой-нибудь роскошной девчонкой из ростовского «Кабаре-Хабанера», по сравнению с которой Тоня Ремез покажется куском мороженой говядины. Но Жоре было плевать на Франклина, на осьминогов и баб, он мог купить на эти деньги кое-что получше. Ведь еще не поздно, верно? Ведь Рошин, если постарается, вполне может назначить новую комиссию. Обязательно может. Или просто выбросить эту чертову Жорину медкарту. Или. Или. На девятьсот долларов можно закупить целую кучу разных «или».

Жора вдруг почувствовал, как эти деньги уже щекочут ему ладонь – такая приятная ребристая пачка, сложенная «капелькой» вдвое и перетянутая черной резинкой. И Жора поверил, что выиграет.

Обязательно, без вариантов.

Он никогда еще так не верил.

– Во что играем, Вирус? – Жора взял со стойки чью-то рюмку водки и опрокинул в себя.

Вирус заторможенно улыбнулся.

– А во что хочешь. В тысячу, в секку, в преферанс, хоть в очко.

– В очко, – сказал Жора. – Так быстрее.

Они вышли из «Пирамиды» и сели в машину Вируса. Машина – черный WV B5, заводские номера как пить дать фальшивые – стояла во дворе, Митрич всегда просил Вируса парковаться подальше от крыльца, чтобы не отпугивать посетителей. Вслед за Вирусом и Жорой из бара вывалились Зебра, Липкин, Назаров и Пилот, тоже напихались в машину и как по команде задымили «лаки страйками». Гоша Липкин уселся на водительское место – он пил меньше всех.

– Что-то нас много набралось сегодня, – сказал Жора, оборачиваясь на красную, как помидор, рожу Назарова.

– Ничего, – откликнулся Вирус. – Мы с ребятами собирались потом прокатиться на озеро. Может, с нами махнешь?

– Будет видно.

Они зачем-то поехали на типографские склады, там, мол, никто не будет мешать – хотя, как казалось Жоре, все дела можно было решить тут же, на месте.

– Да ладно тебе, перессать боишься, что ли? – бросил Вирус, глядя в окно. Вдали проплывало здание вокзала, огромный серый куб с башенкой вверху (завтра? вчера?), Вирус попытался вспомнить что-то – и не смог.

Огороженные высоченным забором склады находились на восточной окраине, езды туда минут десять. За складами – огромный пустырь, посреди которого торчат три непонятно кем и зачем вбитые высокие бетонные сваи. За пустырем – тополиная роща, а за рощей уже всюю бороздят колхозную пашню «кировцы» и «беларусы». Вирус был прав: глуше места в Романове не найти.

Липкин описал вокруг свай «восьмерку» и затормозил. Оказалось, что Зебра и Пилот прихватили из бара бутылку водки и несколько бутербродов, они тут же расположились прямо на чахлой траве. Пилот нарезал складным ножом бутерброды, поджег рядышком газету и несколько щепок вместо костра. Зебра сказал:

– Ну давай это. Короче.

Вирус открыл бардачок, там лежали три колоды карт, все распечатанные.

– Выбирай любую, – предложил он Жоре.

Жора внимательно изучил «рубашки», пощупал, глянул на свет, ничего не увидел. Взял наугад первую попавшуюся.

Они с Вирусом сделали по глотку из горлышка и сели играть. Остальные молча устались на них.

Сдавать выпало Вирусу. Он перетасовал карты «книжкой», потом «внахлест», «баяном», наконец протянул Жоре:

– Режь.

Жора срезал. Вирус швырнул ему десятку, потом еще одну. Всего двадцать. Жора даже не удивился, он с самого начала чувствовал, что так и будет.

– Себе, Вирус.

Он решил, что завтра утром. Нет, прямо сегодня вечером – позвонит Рошину домой и назначит встречу на два часа дня. Отдаст деньги – и все. Он свободен. Новая жизнь.

– Ахтунг, ахтунг, – проблеял Гоша Липкин.

Вирус взял верхнюю карту, перевернул. Валет.

Вторая карта. Король.

Назаров громко рыгнул над самым Жориным ухом. Жора даже не пошевелился.

Третья – дама. Затем король. Еще король. И еще. Три короля подряд.

– Двадцать одно, – сказал Вирус, улыбаясь марсианской улыбкой и раскладывая свои карты рядком. – А у тебя?

Жора бросил две десятки на траву.

– Покажи остальную колоду, – прохрипел он.

Зебра отвернулся и тоненько засвистел.

– Впадлу, – сказал он. – Так и обидеться недолго.

– Я тебя еще обижу, – успокоил его Жора. – Показывай колоду, Вирус.

– Ахтунг, ахтунг, – сказал Гоша Липкин, бросая в сторону Назарова выразительный взгляд. Жоре было не до них. Он смотрел на Вируса.

Вирус собрал колоду, аккуратно перетасовал, разровнял края, затем положил рядом с собой и спокойно сказал:

– В общем, сделаем так, Жорик. Сыграем с тобой еще в одну игру. Если с картинками что-то окажется не в порядке, если ты обнаружишь там пол-колоды королей или что-то в этом роде – ты садишься в эту машину и едешь домой, машина твоя. А мы пойдем на озеро пешочком. Ну а если вдруг окажется наоборот.

Вирус поднял глаза. Глаза были красные, почти без белков.

– ...то я тебя убью, Жорик. И закопаю вот под этой сваей.

Зебра продолжал насвистывать в небо. Пилот лопал бутерброды один за другим. Жора молча взял колоду и стал раскладывать на кучки. Руки одеревенели. Десятки отдельно, шестерки отдельно, так. Спокойно. Дамы, дамы, тузы. Вдруг Липкин заорал как резанный:

– Играть научись сначала, лапоть!..

Он резким движением вырвал колоду из Жориных рук и швырнул в костер.

Секунды две или три Жора тупо смотрел, как пузырится декольтированное платье на пиковой даме, как обугливаются розовые пухлые щеки и вянет букет в тонких руках. Потом увидел Гошу – тот все еще продолжал что-то пьяно выкрикивать, – схватил его за ворот рубашки, встряхнул несколько раз. Врезал.

Липкин свалился, как подрубленное дерево, опрокинулся в костер, подняв тучу искр и пепла. Жора наклонился, поставил его на ноги, снова встряхнул – и снова врезал. Прежде чем Гоша успел во второй раз приложиться лопатками к тлеющим углям, какая-то хреновина

на короткое мгновение мелькнула перед Жориными глазами. Вспышка. Жора вдруг оказался на капоте машины в позе «милый, я твоя», перед ним стоял Назаров с бешеной помидорной рожей, в руке он держал бутылку с этикеткой «Попов». На этикетке была кровь.

Зебра на заднем плане вытягивал из джинсов кожаный ремень с массивной пряжкой «501» и не спеша наматывал его на кулак.

Пилот сидел, сложив по-турецки ноги, доедал последний бутер. Он вытирал о штаны широкий складной нож.

– Значит, такая игра? – выдавил Жора. Передний зуб шатался. Из разбитого носа затекало что-то теплое и кислое. – Ну давай, скоты. Давай. Поиграем.

5.

Радиатор «фольксвагена» находился в нескольких метрах от Жориных ног. На месте знаменитой аббревиатуры WV зиял черный провал, как пушечное дуло. Зебра в конце концов вышел из машины, отошел подальше, стал прикуривать. У него долго не получалось – вместо губ повисли два красных вареника, разбитые руки тряслись. Потом вышли Назаров и Пилот. Гоше Липкину пришлось остаться в машине – Вирус не пустил.

– Если положи руку на сердце, – кричал Вирус, перекрывая ревуший на холостых оборотах мотор, – то водитель из меня так себе! Хреновый я водитель, слышишь? Особенно под газами!.. Алло? Ты живой, Жор?

Жора стоял, прижавшись спиной к свае, как каскадеры прижимаются к стене здания, переступая по узкому карнизу. Руки и локти его были скручены сзади проволокой, что-то вроде буквы «г». Г – это значит «Гоша». Потому что проволоку нашел Гоша Липкин, он же и прикручивал – чуть не до кости тянул, старался. Шея тоже прикручена. Чтобы не убежал.

Перед этим Жору били. Он стоял, руки буквой «г» за спиной – а его били. Назаров бил, у которого рожа из помидорной превратилась в баклажанную, и правый глаз совсем спрятался под мясом, будто его там и нет. Липкин бил, у которого волосы остались только надо лбом, а нос смотрел строго вправо. Зебра бил. И Пилот бил. А Вирус – не бил, он кое-что придумал.

– Так ты живой, алло? – орал Вирус. – Не слышу!

Машина подала назад, по Жориным джинсам стрельнули камешки из-под колес. Вирус отъехал на десять, на двадцать метров, лица за стеклом превратились в бледные пятна, и теперь уже никакие крики точно не долетали до Жориных ушей.

«Он же дурной», – думал Жора, пытаясь миллиметр за миллиметром переползти на другую сторону сваи. «Он же – марсианин».

Проволока впилась в шею и не пускала.

«Фольксваген» остановился, качнулся на месте и почти сразу покатился вперед, набирая скорость и голос. Правая дверца открылась, чья-то рука высунулась и захлопнула ее.

Обратный отсчет. Двадцать метров, пятнадцать. Десять. Жора почувствовал свои колени, коленные чашечки, тысячи раз оцарапанные и разбитые в кровь – но не более того. Радиатор должен вклеить именно по коленям. И все остальное покажется ерундой по сравнению с этой болью.

Пять метров.

Три.

Машина неожиданно крутнулась на месте, смачно хрустнул песок под колесами, Жора открыл глаза и увидел, как высокая задница «фольксвагена» разворачивается, описывая полукруг, собираясь соскоблить его со сваи или размазать по ней.

Жора заорал, едва не вывернулся наизнанку. Вжался в бетон.

По ногам царапнула горячая выхлопная труба, вырвав клочок джинсов и кожи, край багажника прошел в нескольких сантиметрах от паха, Жора смотрел и не мог оторвать взгляд, волосы его стояли дыбом, как у Билли Айдола, а рот так и не закрывался.

Потом машина остановилась. Застыла.

Рев двигателя понизился на октаву, теперь это было ровное урчание. Теперь Жора услышал собственный крик – и замолчал.

Хлопнула дверца, из машины вышел Вирус, в руках у него пачка «лаки страйк», он встряхнул ее несколько раз, пока наружу не показались два желто-коричневых фильтра. Одну сигарету Вирус сунул себе в рот, другую предложил Жоре.

– Еще не бросил, надеюсь?

Жора не бросил. Вытянув шею, насколько позволяла проволока, он прикурил от Вирусовой зажигалки, глубоко затянулся. Содранные ноги дали о себе знать первым залпом боли.

– Сухие, смотри ты, – с уважением сказал Вирус, глянув на Жорины джинсы. В заднем окошке показалась морда Гоши Липкина, Гоша посмотрел, сплюнул и исчез.

Вирус расстегнул брюки, помочился на сваю рядом с Жорой.

– Мне нравится, когда мужчина уважает себя, – сказал он, и глаза его снова стали съезжаться к переносице. – Даже если он проигрался в пух и прах, как ты, Жорик. В общем. – Вирус застегнул штаны, сплюнул. – Живи, Жора.

До завтрашнего полудня. Если денег не будет, я тебя хоть где найду. Понял?

Вирус направился было к машине, потом вернулся, взял короткий разгон, словно собираясь пробить пенальти – и пыром врезал Жоре между ног.

– Я ведь марсианин, ты меня знаешь, – сказал Вирус почти весело. По его подбородку стекала слюна.

6.

Вечером в семь снова заглянул Балчи из дежурной бригады, он вел с собой лысого Петра Вадимовича. Петр Вадимович уже протрезвел и раскаялся, и даже более того.

– Решили поверить товарищу, не ссаживать его, – Балчи улыбнулся. – Ничего, если мы посидим у тебя две минутки, Ахмет? Потолковать надо.

– Хоть десять минут.

Петр Вадимович рысью стогнал в свое восьмое купе, набросил пиджак и вернулся. Его щеки взволнованно тряслись и меняли цвет каждую минуту.

– Проходите, товарищ Шиманский, – вежливо шаркнул Балчи.

Ахмет вышел в коридор, закрыл за ними купе. Изнутри щелкнул замок. Проводник устался в окно, привычно скользнул взглядом по расписанию. «РОМАНОВО – прибытие 01.15 – стоянка 10 – отправление 01.25». Эта строчка отчеркнута чьим-то ногтем.

Дверь уехала в сторону, Шиманский вышел.

Зелено-фиолетовые щеки Петра Вадимовича дребезжали, как студень, он буркнул Ахмету: «Извините...» – и на негнущихся ногах удалился к себе.

Ахмет и Балчи посидели немного в дежурном купе, здесь работал кондиционер и было не так душно, как в остальной части вагона. Балчи положил на стол два банкнота по пятьдесят тысяч:

– Это тебе от товарища Шиманского. Он больше не будет.

На щеках милиционера проступили симпатичные ямочки.

– Все чисто, ты документы смотрел? – Ахмет спрятал деньги в карман. – Какой-то этот Шиманский показался мне... не знаю.

– Обычный мешок навоза, – Балчи пошарил под сиденьем, выудил из ящика бутылку пива. – Так ты угощаешь или нет?

Ахмет откупорил пиво, вскрыл пакет с крабовыми палочками, достал из шкафчика солонку. Балчи одним глотком прикончил полбутылки, покосился на подушку, где лежал, свернувшись знаком «&» чей-то длинный волос, спросил:

– А девчонка что? Как обычно?

– Дрянь, – сказал Ахмет и соединил пальцы обеих рук, словно показывая зияющую бездну. Потом махнул рукой. – Бродягам сойдет, они после степей и не такое жрали.

– Знаю, – кивнул Балчи. – Где она?

Глава третья

1.

Отец построил этот дом двадцать лет назад.

Предание гласит, что в жаркий день 23 августа 1976 года, когда Жорина мать вернулась от гинеколога и сообщила, что беременна, Владимир Алексеевич набил свою знаменитую трубку, позвонил одному из своих бесчисленных полезных знакомых и сказал: «Я беру этот участок, Гриша. Да... и распорядись, чтобы завтра же начинали котлован». У них с матерью была, конечно, двухкомнатная квартира в блочном доме почти в самом центре Романова, нормальная квартира, высокие потолки, прекрасные соседи, но по южным стандартам для уважающего себя человека (тем более для главного инженера, в перспективе – генерального директора) этого явно недостаточно. Дом, сын, дерево – все должно быть свое.

Дом рос как на дрожжах всю осень и большую часть необычайно теплой в том году зимы. Отец собирался построить его по фахтверковой технологии, чтобы он был похож на домики из сказок Гофмана или из «Семнадцати мгновений весны», – но что-то там не заладилось, а может, все оказалось чересчур сложно и какой-нибудь Гриша сказал, что надо совесть иметь в конце концов, и так ведь на него, считай, целое стройуправление горбатит.

Последний гвоздь был вбит восемнадцатого марта 1977 года. Два этажа, гараж, мансарда, огромная терраса (или трибуна?), чтобы пить чай вечером и все видели, как тебе хорошо живется.

Двадцать девятого марта Владимир Алексеевич пригнал откуда-то солдатиков, они перетащили и расставили всю мебель, а заодно положили бетонную плитку на дорожках. На следующий день – шумное новоселье, и расторопный полезный Гриша получил, наверное, посеребрянный кинжал в подарок, или барашка, и Жорина мама прослезилась, что он такой полезный и расторопный.

А через месяц родился Жора. И этот дом с самого начала был ему родным. Когда Жорику исполнился год, он свалился с лестницы и полмарша пролетел кубарем; было много крика, много слез, Владимиру Алексеевичу опять пришлось закуривать свою трубку и набирать чей-то полезный телефон. Но все обошлось. До какого-то момента Жора Пятаков и этот дом – пусть и не построенный по фахтверковой технологии, – жили душа в душу. Когда к Жоре приходили на день рождения школьные друзья, дом послушно превращался в джунгли или каньон, или трущобы Бронкса. Когда Жора ссорился с родителями, здесь можно было найти укромный уголок, какую-нибудь щелку, о существовании которой никто не знает, или все давно позабыли – чтобы забиться туда, свернувшись калачиком, и сидеть, и постепенно успокаиваться, пока мать ходит по двору и каким-то не своим голосом выкрикивает: «Жора! Жора! Обед стынет! Ты где?» Позже Жора прятал в тех же уголках сигареты, свежие номера «Раздевалки», иногда «траву» – дом молчал, дом послушно хранил его тайны.

В общем, здесь был полный порядок.

Здесь был полный порядок. А сегодня кончился.

2.

Жора кое-как доковылял домой в начале двенадцатого и обнаружил, что ключей при нем нет, а входная дверь заперта. Обычно дверь не закрывают, пока кто-то из домочадцев не

вернулся под родной кров, чаще всего Жора сам ее и запирает – где-то за полночь, не раньше... И вот тебе раз. Дом навис над ним неприветливой черной скалой.

Жора подергал ручку. Глухо. Придется звонить. И выйдет, конечно, отец – в пижаме и с трубкой.

Он врезал по двери ногой, потом нажал кнопку звонка. Прошла минута, другая. Третья. В окне прихожей загорелся свет, замок щелкнул, дверь распахнулась. Отец стоял, засунув руки в карманы пижамы. Трубка, как всегда, при нем.

– Явился, значит, – сказал он негромко. – Заходи... выродок.

У отца есть в запасе несколько таких емких точных словечек: «выродок», «подонок», «нахлебник», которые действуют на сгибательные и разгибательные мышцы рук, как разряд электрического тока. В этот раз Жора сдержался, даже промолчал. Он лишь отодвинул отца в сторонку, чтобы пробраться к обувной полке.

Справа от входа на стене висит большое овальное зеркало. Жора, пока разувался, глянул туда, и ему стало тошно. Лицо было цвета песка на пустыре – говнисто-коричневым, почти черным, под носом чешуя из засохшей крови, на шее осталась красная полоса от проволоки, возможно, завтра там будет кровоподтек. Рваная футболка повисла на плечах, как знамя из захваченной врагом крепости, на руках ссадины и те же красные полосы, что и на шее. Джинсы превратились в рвань, в кроссовках мокро от крови.

«Могло быть в сто раз хуже, – подумал Жора, – не раскрути я эту гадскую проволоку.»

– Ну и что на этот раз? – поинтересовался отец. Он успел по новой раскопчегарить свою трубку и пыхтел, щуря глаза от дыма.

Жора внимательно осмотрел свои кроссовки, отнес на кухню и швырнул в мусорное ведро. У окна сидела мать, нервно ровняла ногти пилкой. Вж-ж, вж-ж. Вж-ж, вж-ж. Она подняла глаза на Жору, вопросительно выгнула тонкие красивые брови.

– Ты же смотришь фильмы, ма, – развел руками Жора. – Ты политически подкованный человек, знаешь, чем живет и дышит нынешняя молодежь. Танцы до упаду, девочки, шприцы, кровавые разборки. Что тебе непонятно?

– Заткнись, – раздался голос из прихожей.

Мать отложила пилку в сторону.

– Что решила медкомиссия? – спросила она. – Ты говорил с Роциным?

– Об этом ты у папана нашего спроси, он все знал с самого начала.

– Ты идешь в армию?

– Без вопросов! Меня забросят десантом в Гвинею-Бисау, ма, буду прикрывать отступление наших. Вертолет приземлится семнадцатого в восемь ноль-ноль на Майской площади. Просили не опаздывать.

– Паяц. Подонок. Дармоед. Такой же выродок, как и... как Павлушенька.

Вот отец и мурманского племянника своего Павла вспомнил – это значит, он развязал свой волшебный мешочек и сейчас оттуда польется целая ниагара. Вдобавок мама спросит, откуда у сына эта полоса на шее, его что – вешали? пытали? Почему у него все голени содраны? Что с его лицом? С руками?..

Жора на какое-то время выключил звук, заперся в ванной, сел там на складной стульчик и закурил. Потом разделся, включил горячий душ. Спустя десять минут он был почти спокоен, можно даже сказать – умиротворен. Когда вытирался, ощутил резкую боль в паху. Вирус скотина, конечно. Что стоило ему засветить в то же самое место неделей раньше, когда Жора, пьяный, как павиан, тащил в Октябрьский парк Леночку Лозовскую?

В родительской спальне горел свет – мать уже легла, на кухонном столе дымился ужин, отец сидел на табуретке, расставив худые волосатые ноги, прочищал трубку какими-то хитрыми бронзовыми шомполочками, которые ему привезли из Марракеша и которыми он гордился, как дитя.

– Позавчера я приготовил деньги для Рощина, – сказал он, продолжая увлеченно шваб- рить трубку. – Ровно девятьсот долларов.

– Не может быть, – сказал Жора.

– Но я сказал себе: если опять раздастся звонок из этого... помойного бара, и мне скажут, что Жорик-де опять заехал кому-то в морду – мы с матерью на эти деньги лучше съездим в Болгарию, так будет лучше для всех нас.

– Ага. Ну и правильно. Так их, дармоедов, в хвост и гриву. Билеты уже купил?

Отец с силой дунул в мундштук, лицо его покраснело.

– Без вопросов.

От этого «без вопросов» в сгибательных-разгибательных мышцах у Жоры опять полых- нула какая-то искра, но он опять сдержался. В конце концов ему не нужен отец-инвалид 2- й группы.

– Вот и поговорили, – сказал Жора. – Я пошел спать. Гуднайт, фазер.

3.

Время 23.39. Спать Жора не собирался.

Он поднялся к себе в комнату, по пути прихватил из бельевого шкафчика в ванной пару чистых трусов и носков. Натянул свежие джинсы, рубашку, залез в одежный шкаф, пошарил по карманам, вытряхнул оттуда все деньги и сигареты, какие были. Денег набралось восемь тысяч с мелочью, сигарет – полторы пачки. Так. Да, и еще паспорт, пожалуй. И фонарь. И нож. И самодельный ключ, который подходит ко всем железнодорожным уборным – хуже нет, чем ждать, скрутив ноги, пока кончится санитарная зона.

Жора сложил все вещи в сумку «стримлайн» из прочного нейлона, добавил пару джин- сов, две футболки и тонкий свитер. В одной из картонных коробок под кроватью нашел старые теннисные туфли, темные от пыли и грязи. Натянул на ноги, зашнуровал – сойдет.

Затем набрал номер железнодорожной справочной:

– Ближайший поезд через Романово, будьте добры.

Девичий голос на том конце провода весело переспросил:

– В какую сторону, молодой человек?

Жора подумал.

– Москва... В сторону Москвы.

В трубке что-то шуршало, пиликало, слышалось далекое эхо разговоров на параллельных линиях. Девушка снова возникла в эфире:

– Поезд сто восемьдесят три, «Сочи – Мурманск», прибывает в час пятнадцать минут ночи. Стоянка десять минут.

– Мне нужно место в спальном вагоне, девушка, – сказал Жора. – Посмотрите, есть что- нибудь?

– В таких поездах СВ не бывает. Если вам до Москвы, то можете подождать туапсинский состав, он...

– Нет. Тогда верхнее купейное, – Жора подумав секунду, добавил: – Или лучше четыре места в одном купе.

– В шестом вагоне заявлена бронь до Романова, если это купе не выкупят до прибытия поезда – считайте, оно полностью в вашем распоряжении. Счастливого пути.

– Спасибо.

На часах 23.50. Жора закурил и стал ждать, когда отец дочистит свою вонючую трубку и отправится баиньки.

Сочи – Мурманск, думал Жора. Все складывается один к одному. Выродок, дармоед. Двоюродный брат Павлушенька. Мурманск, Мурманск. Подумать только. Отец сам подсказал ему решение.

Без нескольких минут двенадцать погас электрический свет, падающий на траву из окна кухни.

В 00.10 затихли последние звуки в спальне.

Жора взял фонарь, спустился вниз. На кухне еще витал запах трубочного табака, остывший ужин нетронутым стоял на столе. Жора нашарил подвесной шкафчик на правой стене, здесь стоят банки с крупами, макаронами и специями. Он взял со стола нож и просунул между шкафчиком и стеной, затем подцепил шкафчик пальцами и потянул на себя, словно крышку врезанного в стену люка.

В стене за шкафчиком находится один из отцовских загашников – он был здесь, по-видимому, с самого начала и задумывался как неотъемлемая часть архитектурного проекта.

Жора принялся шарить рукой.

Третья сверху, вторая справа плитка – она легко поворачивается на шарнире. Внутри... ого. Что-то плещется. «Де Монталь», арманьяк, тридцать девятый год. Кучу денег, наверное, отвалил папан. Жора осторожно поставил бутылку на стол. Так, что дальше? Бумаги, какие-то документы, любительские фото с неровно обрезанными краями, бабы и мужики в чем мать родила, вальпургиева ночь – сослуживцы, что ли, из ПО «Резопласт»? Рассматривать некогда, рука затекла.

Деньги. Есть. Сто девяносто пять долларов в конверте, затертые какие-то, жалкие банкноты. Жора залез рукой дальше, обшарил все углы – пусто. Ну и ладно, и то хлеб.

Он сунул деньги в карман. Все остальное, кроме арманьяка, положил на место, затем медленно, стараясь не скрипнуть, вернул шкафчик в исходное положение. Папан, конечно, будет просто счастлив, когда сунется сюда в следующий раз.

Наверху Жора доупаковался бутылкой арманьяка. Двадцать минут первого, поезд придет через час. «Может, вы передумали ехать, молодой человек?»

Жора забросил ремень сумки на плечо.

А что ему здесь ловить?

В лучшем случае он через месяц превратится в оловянного солдата и загремит сапогами в стройбат, где будет лепить коттеджи жлобам вроде собственного папаша. В худшем – встретит следующую ночь в реанимации или городском морге. Может, Вирус шутит?.. Очень возможно, только юмор у него – марсианский, Жора имел счастье в этом убедиться.

Он открыл окно, тугая рама против обыкновения не скрипнула, распахнулась легко, широко. «Кажется, этот домина тоже не против, чтобы мы избавились друг от друга», – подумал Жора.

Встав на подоконник, он дотянулся до толстой грушевой ветки. Зацепился, повис. Перебирая руками, добрался до ствола, нащупал ногами подходящую опору.

Прежде чем начать спуск, Жора посмотрел в сторону города, где купались в рассеянном оранжевом свете параллелепипедные каменные ульи с темными провалами окон. Совсем рядом, в каких-то пяти минутах ходьбы отсюда высилась «профессорская» девятиэтажка из розового туфа с полукруглыми балконами.

В этом доме жил Вирус, его родители в 95-м съехали в Волгоград, когда бывший Всесоюзный НИИ экспериментального почвоведения свернул несколько своих филиалов в провинции – Романовский филиал в том числе.

Окна на третьем этаже девятиэтажки были темны.

Жору посетила неожиданная идея.

4.

«Фольксваген» стоял у подъезда, наехав левыми колесами на бровку. Жора подошел к машине и потянул ручку дверцы. Дверца была не заперта – это так похоже на Вируса. Внутри салона кромешная тьма. Все правильно. Зачем тебе «клифффорд», зачем тебе «топ-гард», если ты самый крутой марсианин в городе?

Жора опустился на водительское сиденье.

Тихо звякнули ключи на связке, торчащей сбоку на рулевой колодке. Жора улыбнулся. Вирус – и этим все сказано!.. Он завел двигатель, опустил стекло; прежде чем выжать газ, еще раз глянул на темные окна третьего этажа. Ни проблеска, ни движения. Вирус дрыхнет в четвертом измерении. Проснется послезавтра – или позавчера.

Машина плавно тронулась с места.

Большую часть пути Жора проделал, стараясь держаться подальше от больших перекрестков, и уже перед самым вокзалом вырулил на брусчатку улицы Горького.

Октябрьский парк, магазин «Нептун», школа.

Он насчитал десятка полтора парочек, возвращающихся с ночного купания на Ясенском водохранилище, для которых жизнь только начиналась и ночь была предисловием, а не эпилогом. Кое-кто из парней вскидывал вверх руку с вытянутым большим пальцем, Жора в ответ сигналил фарами: «некогда».

Сначала он не обратил никакого внимания на эту скамейку – последнюю скамейку в парке, ближе других расположенную к дороге, – и на то, что там могло сидеть, или лежать, или даже левитировать в позе лотоса.

Но в какой-то момент это «что-то» вдруг вскочило и быстрой тенью метнулось под колеса «фольксвагена». Жора воткнул ногу в педаль тормоза, выгнулся на сиденье, и резким движением вывернул руль. Под капотом раздался полоумный скрежет, машина качнулась вбок, приготовившись сделать сальто-мортале.

«Ну вот, с приездом», – подумал Жора.

5.

Леночка Лозовская лежала на асфальте, спутанные темные волосы закрывали лицо, ее бейсболка валялась рядом и на обращенной к небу изнанке можно было без труда прочитать: «Starter».

– Ленка. Лен.

Жора тронул ее за плечо.

Оглянулся. В парке раздавались голоса, сейчас кто-нибудь обязательно выбежит узнать в чем дело.

– Лен, ты что? Ну-ка вставай, быстренько... Я ведь не задел тебя, слышишь?

Задел он ее или нет, в самом-то деле? ГАИ разберется. Ленкины ноги белели в темноте, словно молоко, над правой коленкой свежая ссадина, Жора вспомнил, как всего несколько часов назад его самого чуть не размазало по бетонной свае этой самой машиной.

А ведь еще не поздно смыться.

Он убрал волосы с ее лица, приподнял голову. Хлопнул по щекам.

– Лен?

Она вдруг широко открыла испуганные синие глаза. Повела рукой, словно прогоняя видение.

– Тихо, не ори, – сказал Жора. – Руки-ноги в порядке? Не болит? Если будет больно, говори сразу. Ну-ка, раз, два. Тш-шш.

Жора осторожно поднял ее на руки и понес к развернувшейся поперек дороги машине. Леночка задвигалась, попыталась приподняться, Жора остановился:

– Больно?

Она сказала:

– Нет.

До прибытия поезда оставалось двадцать пять минут. А ведь еще надо поменять доллары и купить билет. Ёлки. Жора усадил Леночку Лозовскую на заднее сиденье, ни слова больше не говоря, захлопнул за ней дверь, сам сел вперед, завелся и поехал. Ему показалось, что на аллее появились какие-то тени. Плевать.

В зеркале заднего обзора маячил Ленкин обалделый взгляд.

– Может, у меня бананы в ушах выросли? – спросил Жора.

– Нет.

– Тогда перестань глазеть.

Жора помолчал. Над бровями собрались гроздья холодного пота. Он только сейчас, в эту минуту, испугался по-настоящему. Запоздалая реакция.

– Будь у меня побольше времени, я бы взял бензиновый шланг и превратил твою задницу в картину «Герника». Видела когда-нибудь?

Вместо ответа она спросила:

– А что это за машина, Жора? Ты ее угнал?

– Не твоё дело.

Леночка дотронулась мизинцем до крошечной царапины над губой. Поднесла палец к глазам. И Жора увидел, как на ее лице проступила печать того же первобытного ужаса, который минуту назад заставил его яички поджаться и усохнуть раза в два.

– Ты не представляешь, Жора, какое.

– Помолчи, ладно?

В конце концов ему плевать, какого рожна ей приспичило в час ночи прыгать под колеса машин. Пусть расскажет это своим подружкам-идиоткам. У него своих проблем навалом.

Жора въехал на привокзальную площадь, но парковаться на стоянке не стал – там частенько шныряют гаишники. Зарулил в какой-то двор, выключил двигатель. Часы на огромном табло через улицу показывали 00.58.

Он обернулся. С заднего сиденья на него в упор смотрели испуганные синие глазищи.

– Ну и что мне с тобой делать? До остановки сама дотопаешь?

Леночка слабо улыбнулась.

– Какая остановка? Ведь время...

А-а, черт. Время. Все верно. Автобусы уже час как не ходят. Жора полез в карман, вытащил замусоленную бумажку в пять долларов.

– Держи, возьмешь такси, – он протянул Леночке деньги. – Только к частникам не садись, мало ли что. В общем, извини и все такое. Пока. С удовольствием подвез бы тебя до дома, но у меня ни минуты лишней нет. – Жора вдруг нахмурился. – Эй, ты в порядке?

Леночка продолжала улыбаться, что-то пробормотала неразборчиво – и вдруг уткнулась лбом в спинку сиденья, тело ее словно обескостело и стало медленно сползать на пол.

Глава четвертая

1.

Вирус проснулся, когда телефон успел прозвонить сорок раз над самым его ухом.

Всего два часа с небольшим назад он вырубился на диване, облепленном шерстью сибирского кота Амока, сдохшего еще зимой. Перед этим Вирус окунул нос в горку кокаина, смешанного 1:2 с дрянью под названием «лампанг», и мог проспать еще сутки, а то и двое, поднимаясь только затем, чтобы отлить. Он бы ни за что не проснулся, если бы не смутное, какое-то поганое чувство, преследовавшее его с самых первых минут путешествия, – ЧТО-ТО ЗАБЫЛ.

Вот оно. На Четвертой авеню есть немало чудных местечек, там ты можешь позвонить в любую квартиру, – в одной тебе откроют симпатичные подружки-блондинки, у которых по четыре груди и восемь дырок, в другой ты увидишь закат над Юпитером и свисающие с неба щупальца гигантских кальмаров, в третьей ты встретишь самого себя, выкапывающего из аравийского песка собственный мумифицированный труп, – и воскликнешь: «А это что еще за рожа!»

На Четвертой авеню забываешь обо всем и в первую очередь о том, что ты что-то забыл. Там нет «вчера», нет «сегодня». Там есть «всегда». Это нормально, так и должно быть.

Но в этот раз, видно, какая-то гадская микросхема полетела, и в голову Вируса постоянно тюкало и тюкало это невыносимое: ЗАБЫЛ, ЗАБЫЛ, ЗАБЫЛ.

Видно, он в самом деле забыл что-то важное.

И когда телефон прозвонил сороковой раз, Вирус напоследок присосался к младшей подружке-блондинке, хлопнул ее по роскошной заднице, сказал: «Я скоро, детка», – и проснулся.

Телефон прозвонил сорок первый раз.

Вирус нащупал трубку, свалил ее на пол и сам упал рядом.

– Аллю, – сказал он, понемногу открывая глаза и разглядывая узор на ковре.

– Вирус? – осторожно спросила трубка.

– Да.

– Это Кафан. Почему не подходишь к телефону, ишак?.. Уже без пятнадцати. Мы с Шубой, как договаривались, – под часами. Билеты, надеюсь, на руках?

И Вирус в одну секунду вспомнил. Называется: «Вспомнить все». Вспомнить и повеситься. Билеты, поезд, Кафан, Шуба, груз... Вирус глянул на часы, ему вдруг зверски захотелось в уборную.

– Да, – пробормотал он. – Да, да. Все нормально, Кафан. И Шубе передай: с билетами все в порядке. На руках. Не волнуйтесь.

– Гребни скорее, – сказал Кафан. – Мы полтора суток ничего не ели, желудки скулят и воют.

– Бегу. Да, да. Сейчас.

Вирус положил трубку, поднялся на ноги. «Все, – подумал он. – Жопа. Они убьют меня».

Вирус должен был купить эти билеты еще вчера (позавчера? послезавтра?). Нет, он должен был купить их именно СЕГОДНЯ, идиот, двадцать третьего мая, потому что поезд проходящий! Два билета на поезд № 183, шестой вагон, девятое купе, рядом с туалетом, места с тридцать шестого по сороковое – на них заявлена бронь. Бронь, понимаешь, ишак, или нет?! Там все договорено, оставалось только купить билет! Купить и ровно в пять минут второго отдать

эти билеты Кафану и Шубе, которые вернулись с полей с полными сумками груза, голодные, невымытые и злые, как собаки!..

– Нет, они же убьют меня, – твердил Вирус, пробираясь по стенке в туалет. Он добрал до туалета, помочился, даже не заметив, что крышка унитаза закрыта. Руки его тряслись, как в лихорадке.

Вирус вернулся в гостиную. Постоял, пытаясь что-то сообразить. Да... ключи от машины.

– Убьют, суки – ведь так?

Ключи. Он похлопал себя по карманам. Ключей нет, наверное, оставил в салоне. Включил свет в прихожей, принялся обуваться, ноги тоже тряслись, никак не хотели попадать в туфли. В конце концов Вирус с остервенением смял задники, открыл дверь и вывалился наружу.

Часы показывали 00.56.

2.

Машины не было. Какое-то время Вирус не мог в это поверить. Он встал на то место, где обычно парковал свой «бэ-пять», вот он, этот прямоугольник – здесь даже асфальт темнее, чем на тротуаре, здесь валяется окурочек «лаки страйк» – вот он, – который Вирус своими руками выбросил, выходя из машины.

Место есть. А машину угнали.

– Я все на свете просрал, а? – растерянно произнес Вирус. – Они убьют меня, ведь так?

Он постоял, потом сел на асфальт, поджав колени. Снова поднялся. Потом вдруг что-то заметил на противоположном конце двора и побежал туда. Там стоял чей-то синий «жигуль-копейка».

3.

Пропиликали позывные, затем равнодушный радиоголос объявил по вокзалу:

– Внимание. Поезд сто восемьдесят три Сочи – Мурманск прибывает на второй путь ко второй платформе. Внимание.

Обычные ругательства здесь не годились.

Шуба трижды вслух повторил киргизское «анансыгин», но легче от этого не стало. Он присел на корточки и прислонился спиной к теплой шершавой стене. Высоко над его головой, там, где обычно висело беспощадное степное солнце, сейчас ровным светом горели электронные часы. Пять минут первого. Вокруг Шубы закружилось облачко специфического запаха, который появляется после недели пешего пути через Чилихинскую степь. Сам Шуба давно перестал обращать внимание на всякие запахи, и Кафан, который стоял рядом, даже не поморщился. Они привыкли.

– Я бы сейчас собственную ногу съел, – сказал Шуба.

– Ну и дурак, – ответил Кафан.

– Пошли, хоть по беляшу возьмем в буфете. Курево уже не лезет. Так и сдохнем здесь сидючи.

– Не сдохнешь. Через пять минут будем сидеть в чистом купе, Шуба. на чистой постели.

Будем пить водку «Смирнов», и красивая девушка будет подавать нам горячего цыпленка-гриль. Цыпленка будешь жрать, ишак. Понял?

– Пока что я ни хрена не вижу. Ни цыпленка, ни девушки, ни чистого купе, – огрызнулся Шуба. – Где этот придурак шляется?

Кафан обернулся, еще раз ощупал глазами жидкий людской поток на привокзальной площади. Усмехнулся.

– Появится, не переживай. Иначе.

Кафан не договорил, что будет иначе. Зачем слова? Он присел на корточки рядом с Шубой и стал ждать.

У обоих «степных курьеров» были темные, кореженные ветром и солнцем лица, руки – как угольные лопаты. Одеты Шуба и Кафан в шерстяные тренировочные костюмы неизвестной просвещенному миру фирмы «абибас», пропитанные пылью, потом и ночной росой. Шуба на полголовы выше, но жидковат. Кафан – кривоногий крепыш, его огромные плечи без всякого перехода вырастают в голову с чрезмерно развитыми скулами.

Они четвертый сезон горбят на хозяина, Шуба и Кафан. Работа простая: берешь товар на ферме Зиги Эсанбаева, затерянной где-то южнее станицы Новопокровская и севернее Кропоткина, взваливаешь рюкзачок на плечи и тайными тропками через Чилихинскую степь – пошел, пошел. Идешь. Кругом сухая мертвынь, ночью волки, днем солнце, злое, как гиперболоид инженера Гарина – не убежишь от него и не спрячешься. Вот так идешь целую неделю и молишься про себя этому инженеру в шляпе, чтобы пощадил, дал товар доставить до места; идешь все время, почти без сна и отдыха, потому что воду и жратву приходится брать в обрез, чтобы лишним полкило товара вместились в рюкзак. А еще – разъезды. Каждую весну и лето краевое управление МВД объявляет операцию «Мак», менты гоняют по степи на «уазах», постреливают по курьерам из автоматов, зарабатывают себе премии и погоны.

А потом выходишь еле живой в город, сидишь на вокзале, дрожишь, ждешь, пока какая-нибудь «шестерка» не принесет билет на поезд. В поезде уже легче, там у хозяина свои проводники, правда, каждый раз новые. Ничего, запахнешь товар в тайничок в уборной, отдыхаешь до самого Мурманска, поглядываешь одним глазком, чтобы чего не случилось. А с каждым днем погода все прохладнее, мысли приятные откуда-то берутся. В Мурманске ждут деньги. Огромные ванны в дорогих гостиничных номерах. Белые ночи. Ну там. и все остальное, что полагается. Только до этого еще дожить надо.

– Ладно, – сказал Кафан, медленно разгибая гудящие ноги. – Я на перрон выйду, посмотрю, что там и как. Когда этот ишачий хвост появится, дуйте сразу ко мне. На полусогнутых. Понял?

– Придумал тоже! – огрызнулся Шуба, чувствуя, что обычно непробиваемый Кафан нервничает и заводится от этого еще больше. – Сейчас бегать начнем друг за другом, кому это надо?

– Делай что говорят, – сказал ему Кафан и быстрым шагом направился к тоннелю.

Когда он поднялся на платформу, рельсы второго пути с южной стороны осветились мощными фарами приближающегося локомотива. Пиликнули позывные, радиоголос объявил о прибытии сто восемьдесят третьего поезда. Сочи – Мурманск, вот он... Мимо Кафана в постепенно замедляющемся темпе проплыли освещенные окна вагонов, темные силуэты пассажира, сонные лица проводников – мужские и женские. С кем-то из них Кафан и Шуба работают на одного хозяина – только с кем? Кафан выругался про себя: надо было спросить у Вируса по телефону номер вагона, сейчас уже можно было бы погрузить товар, а с билетами уж разобрались бы как-нибудь.

Поезд остановился.

01.16.

Кафан прошелся взад-вперед вдоль перрона, надеясь, что Вирус каким-то немислимым образом окажется здесь. Вируса не было. Нет, ну что он себе думает, этот хвост ишачий?

4.

Кто-то постучал по стеклу. Раз, потом еще.

Кассирша, дежурившая этой ночью в четвертом окошке, оторвала глаза от раскрытого на коленях томика Чейза и увидела перед собой в П-образном проеме бледное, как мелованная бумага, искаженное лицо.

– Что смотришь? – заорал молодой человек, швыряя перед ней растрепанную пачку денег. – У меня бронь на мурманский поезд, шестой вагон, девятое купе! Быстро! Шевелись!

Девушка покраснела, хотела что-то ответить, но передумала. Она отложила книгу в сторону и включила экран монитора.

– Назовите еще раз номер поезда.

– Что? – лицо за окошком болезненно дернулось.

Кассирша заметила, что подбородок молодого человека блестит от слюны.

– Какой поезд? – спросила она.

– Мурманский, я сказал! Мурманский, елки-палки! Сто восемьдесят три! Шестой вагон! Места с тридцать шестого по сороковое! Шевелись скорее, корова!

Девушка покраснела еще больше, молча отстучала запрос, запнулась, сделала ошибку и снова перебрала все сначала. Пока компьютер переваривал информацию, она смотрела на черный экран и ловила там свой испуганный напряженный взгляд. Этот парень больной, наверное, или сумасшедший. Может, дежурного вызвать – на всякий случай?

Слова «запрос принят» последний раз мигнули и исчезли, на экране появилась таблица. Девушка удивленно покосилась на жирный ноль в графе «места/купе».

– Подождите, – она вдруг наморщила лоб, потом посмотрела на часы. – Но ведь. Ведь я только что продала билеты на четыре места в шестом вагоне.

Кассир в третий раз послала запрос, и компьютер снова выдал ноль.

– Вы опоздали, молодой человек. Поезд прибыл на станцию в пятнадцать минут второго. Вам следовало прийти в это время.

– Что ты сказала?

Бледное лицо за окошком вытянулось и застыло. Вирус смотрел на девушку, словно получил пулю в живот.

– Проверь еще раз, – сказал он тихо.

– Я уже проверяла. Ваши места проданы, молодой человек, повторяю вам, буквально только что подходили парень с девушкой, они взяли все четыре места, они.

Вирус молча размахнулся и врезал кулаком по стеклу.

5.

В правом кармане джинсов – приятная упругость сложенного вдвое билета. В сумке тихо булькает арманьяк тридцать девятого года, и край тяжелой бутылки при каждом шаге врезается в Жорину бедро. Жора не сбавлял шаг, надеясь, что эта дура Лозовская в конце концов отстанет от него. Она плетется в нескольких метрах позади, длинные темные волосы распущены, правое колено расцарапано, глаза, как у Настасьи Кински в «Людах-кошках». Таксисты с квадратными рожами, кучкующиеся на перроне, недвусмысленно пялятся на Леночку, провозжают взглядами, кто-то сказал негромко:

– Может, отвезти тебя домой, красотка?

Ну дура. О, Боже! Дурища. Жора дошел до третьего вагона, резко затормозил и развернулся кругом. Леночка едва не вцепилась головой в его грудную клетку.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? – он старался говорить спокойно, честно старался, только все равно получалось очень громко.

Леночка сложила руки за спиной, как школьница, смотрит куда-то вбок.

– Ну и что. Я все равно поеду с тобой, – завела она старую песню.

– Двадцать минут второго, дура ты! Мыльница!.. Уже ночь! Тебе сколько лет? Твой папан сейчас обшаривает кусты в Октябрьском парке, маман пьет валидол и лезет на стенку. Я тебе дал деньги – так? Значит, садись в такси и езжай. Все. Езжай отсюда ровненько, чтобы я больше в жизни тебя не видел!..

Леночка заторможенно хлопала синими глазищами. Хлоп-хлоп. Дура душой. Зомби натуральная в собственном соку. Наверное, еще не отошла после того обморока. Если бы не армянский, она бы, наверное, так до сих пор и лежала на заднем сиденье «фольксвагена», а Жора до сих пор махал бы над ней платочком, толком не зная, вызывать ему «скорую» или плюнуть на все и бежать на вокзал. Потом он уже не рискнул оставить ее одну – потащил с собой в кассу. Идиот. Это ж надо быть таким тупорылым.

– А я родителям уже позвонила, – сказала Леночка самым невинным голосом. – Еще когда в парке сидела. Я сказала, что домой не приду, чтобы не ждали. Тогда я другое имела в виду. Но какая разница?

– Никакой разницы! – зарычал Жора. – Прекрасно! Я совсем забыл, ты же хотела броситься под что-нибудь! Вот тебе поезд, вот тебе рельсы – давай! Давай, действуй! Только отцепись от меня, поняла?

Таксисты косятся в их сторону, тихонько посмеиваются, сплевывая на асфальт. Бесплатный цирк, маленькие радости. Какой-то толстопузый в яркой рубашке с крокодилами, кивнув на Леночку, сделал неприличный жест. Его товарищи заушмылялись еще шире.

Жора развернулся и пошел.

– А я заявлю на тебя, что ты угнал машину, – Леночка снова поплелась следом. – И тебя снимут с поезда. Этой же ночью.

– В спину ветер, – бросил Жора.

– Ну Жор, – продолжала ныть она. – Там же целое купе – тебе что, жалко?

Жора ничего не сказал. Впереди, у шестого вагона, маячила белая рубашка проводника.

– Я все равно поеду с тобой, – твердила Леночка. – Ты мне сам позавчера говорил, что...

Она вдруг увидела перед собой Жорин кулак, совсем близко. Кулак был большой, распухший и весь в царапинах.

– Запомни раз и навсегда, – сказал Жора негромко. – Ты идиотка сопливая. Мыльница. Тебе челюсть ломали когда-нибудь? Будешь потом всю жизнь пить кофе из трубочки. Проваливай отсюда.

Жора пошел дальше, нащупывая в кармане билет. Теперь за его спиной никто больше не канючил. Оглянулся – Леночка стоит на прежнем месте, глазами хлоп, хлоп. Вот так и стой, очень хорошо. Жора улыбнулся. Он подошел к шестому вагону, отыскивая среди толпящихся у входа пассажиров белую рубашку проводника. Проводник как назло куда-то пропал. Из вагона выкатился невысокий лысенький человечек с пунцовыми щеками, дыхнул на Жору перегаром:

– Водочка есть?

Жора не успел ответить. До него долетел чей-то гадкий утробный хохоток. Он обернулся.

К Леночке вразвалку подошел толстопузый таксист, о чем-то спросил ее, Леночка промолчала. Таксист снова хохотнул, положил свою бревноподобную руку ей на плечо, развернул к себе и повел куда-то в глубь перрона. Он был на полторы головы выше Леночки, настоящая гора из мяса и сала, вот бы кому каменные блоки на стройке таскать, приносить пользу народному хозяйству. Таксист что-то втолковывал девушке вполголоса, вращая брелок на толстом пальце, и по мере того, как его левая пятерня сползала все ниже и ниже по Леночкиной спине, его дружки кисли от смеха все больше и больше.

В конце концов пятерня оказалась там, куда она стремилась, Жора видел, как растопыренные пальцы описали полукруг, приподняв короткую юбку – а потом раздался громкий хлопок, как в тире, когда попадаешь в бомбочку с пистолетом. Это Леночка врезала толстопузому по роже. Слева навесила – коротко и ясно. Его дружки уже не кисли вполголоса, они ржали, как дикие жеребцы. Все остальное произошло в одно короткое мгновение.

Таксист громко выругался. Схватился за щеку.

Потом взмахнул рукой, словно отгоняя муху, и Жора услышал высокий, почти детский испуганный вскрик, увидел, как колыхнулись тяжелые темные волосы, взлетела юбка, откры-

вая длинные ноги и белый треугольник над ними. Леночка Лозовская отлетела в сторону и, сделав полуоборот, упала на асфальт.

Жора сам не помнил, как очутился рядом.

Просто очутился и все. Вдруг обнаружил перед собой на расстоянии удара это обросшее жиром и редкими темными волосинами лицо, словно сошедшее с рекламы свиной тушенки.

Он, не раздумывая, врезал раз и другой. Лицо отскочило от кулака, как тяжелый гандбольный мяч. Таксист заплетающимся шагом отступил назад, встряхнул головой. Остановился. Зрачки разъехались, прыгнули под брови, потом снова вернулись на место, толстяк с трудом удержал равновесие. Он промычал:

– Ах ты, говнооооо...

И бросился вперед. Жора позволил ему размахнуться, пригнулся, подождал, когда кулак просвистит вверху, резко выпрямился. Толстого к этому моменту развернуло боком, он снова потерял устойчивость и, оскалив рот, балансировал на одной ноге. Жора поймал в фокус жирный подбородок, врезал снизу, на взлете.

Бултыхнулись мозги под таксистской кепкой, словно кисель в кастрюле.

Таксист дернулся и вдруг застыл. Щеки и жировые складки еще продолжали мерно сотрясаться после удара, крокодилы на рубашке извивались и скалили зубастые пасти. Но это огромное тело уже не работало, оно отдыхало. Зрачки уехали под брови и на этот раз застряли там надолго. Толстый выставил вперед руку, накренился под опасным углом, еще раз неуверенно переступил ногами. Затем рухнул лицом вниз.

Леночка Лозовская плакала, спрятав лицо в колени.

– Вставай скорее, чучело! – Жора взял ее за локоть, резким рывком поднял на ноги. – Откуда ты свалилась только на мою голову...

Он оглянулся. Улыбочки еще не успели сойти с квадратных лиц друзей-таксистов, там длилась стадия осознания – все произошло слишком быстро. Но толстопузый лежал бревно бревном, раскинув ноги, и Жора хорошо представлял, что может случиться в следующие несколько минут.

– Хватит реветь, – сказал он Леночке Лозовской. – Пошли.

У входа в шестой вагон появился смуглый проводник в белой рубашке, поезд вот-вот тронется. Кто-то из таксистов пытался поднять своего толстопузого товарища, кто-то отчетливо произнес Жоре вслед:

– А ну-ка погодь, боец.

Жора еще раз посмотрел в зареванное Леночкино лицо, обернулся на квадратные силуэты в полумраке и быстро протянул проводнику билет.

– У меня четыре места в девятом купе, – сказал он. – А эта девушка со мной. она выйдет на одной из ближайших станций.

Проводник глянул на Жору беспокойными черными глазами, ощупал каждый квадратный сантиметр лица, красную полосу на шее.

– Девятое купе? – переспросил он наконец. – Вы?

У проводника был такой вид, словно он хочет задать еще тысячу и один вопрос, но Жоре было некогда, он просто отодвинул его в сторону и, схватив за руку притихшую Леночку, вместе с ней поднялся в вагон.

6.

...Кафан еще в тоннеле услышал рев разъяренного Шубы. Он перешел на бег, в три прыжка взлетел по лестнице и увидел, как его товарищ мнет в своих ручищах чье-то обмякшее тело.

– Падаль! – орал Шуба на весь вокзал. – Анансыгин!! Где наши билеты, гнида?! Убью!!

В темноте лихорадочно блестели вытаращенные марсианские глаза Вируса. Вирус поднял руки, прикрывая голову, по изрезанным ладоням на волосы стекала кровь. Шуба отступил на полшага и ударил его ногой в живот. Вирус сложился вдвое, вlepился в стену и сполз вниз.

– Откуда я знал, Шуба! – долетел его слабый вопль. – Я ж не вру! Я же.

Шуба в ярости футболил распростертое перед ним тело. Кафану вдруг стало ясно, как день: Вирус службу завалил, этот ишачий хвост. Никаких цыплят-гриль, никаких девушек на чистых простынях, ни-че-го.

Два патрульных сержанта, болтавшие с продавщицей пиццы, лениво обернулись на крики. Старушенция, бродившая по площади с холщовой сумкой в поисках любителей водки, пива и сигарет, распахнула перерезанный вертикальными морщинами ротик, собираясь включить свою сирену.

Кафан подлетел к Шубе, оттолкнул его в сторону, схватил оба рюкзака и быстро проговорил:

– Тихо, балда. Менты. Руки в ноги и – бегом. К поезду.

Когда они выбежали на перрон, на втором пути горел красный свет, но пассажиры уже бросали свои окурки и заходили в вагоны. Кафан мгновенно вычислил в толпе проводницу с самой необъятной кормой и самым наштукатуренным лицом. Он подошел к ней и галантно откашлялся.

– Простите, девушка, мы с коллегой не успели вовремя выкупить нашу бронь. Но у нас есть деньги.

«Девушка» повернула голову, обозначив четыре мощные складки на шее, смерила «коллег» долгим неприязненным взглядом.

– А вам куда?

– Мурманск, – широко улыбнулся Кафан.

Через минуту поезд тронулся.

Кафан и Шуба стояли в тамбуре и смотрели в окно, и курили, хотя курево давно уже не лезло в их пересохшие глотки.

Сегодня они не будут ужинать запеченными в костре тушканчиками и бояться милицейских разъездов. Они едут в Мурманск, там роскошная гостиница «Пальмира» и номера с мраморными ваннами. Надо повторять про себя: Мурманск, Мурманск, и так почти уговоришь себя, что все просто прекрасно. Все просто жаксы.

А пока они будут спать на жестких багажных полках – раз.

И жратвы ни грамма, даже дохлого тушканчика здесь не найдешь за бесплатно – два.

И непонятно, что на уме у этой толстой наштукатуренной проводницы – три. Это уже никакой не жаксы, это анансыгин.

Но где-то здесь, в одном с ними поезде, едет человек, который служит тому же хозяину, которому служат Кафан и Шуба, этот человек ждет их за накрытым столом, он прикроет их в случае надобности и доставит в Мурманск живыми и невредимыми.

Только где он, этот человек? В каком вагоне? Шуба, вонючий ишак, конечно, забыл спросить об этом у Вируса.

Глава пятая

1.

Это был запах купейного вагона, который не спутаешь ни с одним другим. Запах какой-то дезинфицирующей дряни, которой обрабатывают пол и стены, чтобы не завелись насекомые; запах пыльных дорожек; запах тысячи кругов колбасы и миллиона яиц вкрутую, съеденных когда-то здесь; запах детского восторга, когда просыпаешься утром под стук колес, и впереди целое лето, а из-за плоских холмов перед Таганрогом вдруг выплывает спокойное Азовское море.

Леночка остановилась, обернулась к Жоре:

– У нас какие места?

– Топай, топай. Дальше, – Жора несильно подтолкнул ее в спину. – Последнее купе.

Он шел по узкому коридору, мимо полукруглых откидных сидений, которые если потянуть на себя, а потом отпустить, то получится – бац-ц! – очень похоже на выстрел из пистолета. По крайней мере так ему казалось, когда он был мальчишкой.

Леночка дошла до конца коридора, потянула в сторону дверь последнего купе, у нее ничего не получилось.

– Жора...

– Только не упади в обморок, пожалуйста, – буркнул он, подходя к ней и дергая ручку.

Но дверь и в самом деле оказалась заперта. Жора дернул еще раз, пробормотал: «Да чтоб тебя.» и оглянулся, чтобы позвать проводника. А тот стоял в проеме дежурного купе, сложив руки на груди, смуглый такой, как копченая ставрида, костлявый, и с интересом наблюдал за Жорой.

– Алло, командир! – крикнул Жора. – Что за дела? У нас закрыто!

Проводник поднял брови, неторопливо прошел к нему. Тоже подергал.

– Какое-то недоразумение, – сказал он совершенно спокойно. – Меня, кстати, зовут Ахмет.

– Очень приятно.

Вместо того, чтобы тут же заняться дверью, смуглый Ахмет устался на Жорину сумку, кивнул:

– А товар совсем небогатый, правда?

Жора подумал, что проводник «под дымом», или неопытный педераст, или просто прихворал немного в дороге, но, по большому счету, ему было плевать, он хотел упасть на свое законное место, вытянуть гудящие ноги и наконец прочувствовать, что с каждым перестуком колес подполковник Рошин, Вирус и прочие неприятности отступают все дальше и дальше от него. Жора посмотрел в черные глазки Ахмета и сказал:

– Я устал, Ахмет. Или ты открываешь дверь, или мы идем спать в твоё купе, а ты заночуешь в коридоре.

Ахмет натянуто улыбнулся.

– Все нормально, джигит. Все нормально, – он поднял руки ладонями наружу, словно собираясь показать фокус. Ладони были белыми, с четкими глубокими линиями. – Это не проблема, две секунды.

Он повернулся к двери, стукнул костяшкой указательного пальца: «та-та-татата». И, снова покосившись на Жорину сумку, пошел обратно. Жора глянул на Леночку: может, она

что-то понимает? Леночка хлопала своими детскими синими глазами, она ни черта не понимала.

– В чем дело, эй!.. – крикнул Жора вдогонку проводнику.

Ахмет даже не оглянулся, он подошел к «титану», стал копаться там. И вдруг внутри купе щелкнул замок, и молодой женский голос произнес:

– Входите, уже все готово.

2.

Чистая правда. Все было готово, причем в самом лучшем виде. Столик у окна покрывала явно не казенной белизны скатерть, три сверкающих дорожных прибора выстроились равнобедренным треугольником, в середине высилась литровая башня из стекла и водки под названием «Дынная специальная», рядом примостились две бутылки «Рижского», на которых можно было расписываться пальцем, как на январском окне; на блюде дымился усыпанный укропом и красным перцем поджаристый цыпленок.

И в довершение ко всему – какая-то девушка, чьи длинные ноги едва помещались под столиком, сидела и улыбалась Жоре и Леночке так, что можно было сосчитать все ее зубы, включая зуб мудрости. Из одежды на девушке были только босоножки и короткий белый передник размером с пионерский галстук.

– Привет, – сказала она, – я думала, вы уже не придете. Меня зовут Инга. Хау ду ю ду. Как здоровье? Кто работал, кто устал, час обеденный настал. Будьте, как дома, в общем.

Жора и Леночка опустили на сиденье. Девушка, не гася улыбки, встала, прошла к двери и закрыла ее на защелку. Жора обнаружил на ягодицах косые полоски от резинок трусов, скинутых, видимо, лишь несколько минут назад.

– Вы, наверное, перепутали номер купе, – подала охрипший голос Леночка Лозовская. Она была в красных пятнах, как лошадь в яблоках.

Жора чуть не помер.

– У меня отличная память на цифры, деточка, – весело ответила Инга. – Прошу за стол. Без разговоров.

Она профессионально наполнила рюмки, не пролив ни капли. Когда поезд тряхнуло на стрелке, Инга слегка расставила ноги для устойчивости и, оглянувшись, одарила Жору улыбкой с обложки порнографического издания.

– Вот цыпленок, вот нож, – сказала она. – Я могла бы разделать его сама, но у мужчин, как я слышала, это получается лучше.

Еще одна улыбка, как кадр из «Филиппинских дрыгалок».

Жора встал.

– Я пойду вымою руки... – Леночка тоже поднялась.

– Здесь туалет не работает, – сказала Инга, показывая на стену. – Если только в другом вагоне.

– Ничего, хорошо.

Когда Леночка вышла, Инга снова закрыла дверь и вихляющей походкой вернулась к Жоре. Край стола как раз оказался на уровне еле прикрытого передником лобка.

– Все это очень хорошо, Инга, – сказал Жора, погружая в цыпленка вилку и нож и одним быстрым движением рассекая тушку надвое. – Водка и тому подобное. Внимание, главное. Ну а теперь расскажи, что все это значит.

– Пода-рок от фир-мы, – по слогами произнесла Инга, словно читая надпись на этикетке. – Раз Ахмет постучал в дверь, значит, вы сотрудники фирмы, а сотрудникам положены разные. В общем, это подарок, – повторила она. – Фирма заботится о своих сотрудниках. Желает здоровья, процветания, кучу денег и побольше детей.

– Фирма, значит, – сказал Жора. – Ясно.

Четвертованный цыпленок лежал перед ним, розово-белый на изломе, душистый, и эта Инга, считай, в чем мать родила, стояла рядом – не так, чтобы очень, но под «Дынную» вполне. Фирма какая-то, сотрудники, Ахмет этот странный. Да ну их. Главное, что Жора навсегда уехал из своего Романова, все его долги перед Родиной и Вирусом аннулированы, жизнь прекрасна, но коротка, – а Леночка вполне сможет переночевать на хлопающем стульчике в коридоре, ее сюда вообще никто не звал. Чего тут думать?..

– Садись, – Жора показал Инге на сиденье напротив себя. – Угощайся.

– А твоя подружка? Надеюсь, там все в порядке? Если она принципиально не против орального секса, то я могла бы.

– Давай выпьем. И расскажи мне лучше об этой фирме.

Инга лихо опрокинула в себя водку, закусила цыплячьей ляжкой, потом завела руки за спину, спросила: «Ты не против, если я того?..» и сняла передник. Спереди ее волосы были неумело выбриты в виде трехпалого листа, кожа вокруг воспалена – видно, тут все готовилось в самую последнюю минуту.

– Ну, фирма, – пожалала она плечами. – Фирма как фирма. Я почему знаю? Ты же в ней работаешь, не я. В этом месяце у меня уже четвертый вызов, я даже названия не спрашиваю, мне какое дело? – лишь бы деньги платили. Все поздравляют своих сотрудников, замечательная традиция, любому дураку приятно, когда начальство о нем за. Слушай, – Инга вдруг бросила цыпленка, вытерла руки о скатерть и перепорхнула к Жоре на колени. – А давай шпокнемся? Скоренько, на корточках? Пока подружка не вернулась, а? Меня на Кореновской машина ждет, это через станцию, если я не успею, придется на своих двоих добираться. Вы такие оба милые, такие молодые. Ты, в общем, ладно. – теперь Инга опустилась на корточки и ее ослепительная улыбка запылала где-то внизу. – В общем, закусывай пока, котик, ладно?.. а я тут кое-что начну потихоньку, хоть буду знать, что дело делается, работа идет. И все такое.

– Подожди, Инга, – Жора закинул ногу на ногу. – А Ахмет? Он тоже в этой фирме работает?

– Ну, наверное. Такой петух. Бандит. Хочешь его позвать? Да шел бы он в баню, котик, это несерьезно, Ахмет у меня дважды расписался на всех стенках, куда только смог достать. И этот Балчи.

– Кто такой Балчи?

– Ну, мент. Дежурный мент. Тоже бандюга. Так что, его ты тоже не знаешь? – Инга хихикнула там, внизу. – А может, это ты перепутал купе?

– Ничего я не перепутал, – сказал Жора.

Ситуация почему-то перестала казаться ему забавной. Дежурный мент. Фирма. Проститутка. Это ж надо такому случиться. И Леночка где-то шляется, уже минут десять как пропала. Жора налил еще водки.

– Подъем, Инга. Подъем, подъем. Выпей-ка еще.

Она пожалала плечами, встала. Послушно выпила. Дернула ножкой.

– Не переживай, котик. Все будет хорошо, я свое дело знаю. Через минуту ты у меня затарахтишь, как пламенный мотор.

– Seriously?

Инга сделала томное лицо типа «а ты думал», лизнула палец с наманикюренным ногтем и помассировала сосок.

– Ясно, – сказал Жора, вставая и вытирая руки. – Класс. Ты роскошная женщина, Инга, настоящий подарок. А пока вот что: перекуси тут немножко одна, а я скоро вернусь. Ненадолго.

– Тоже в туалет? – Инга плеснула себе еще в рюмку, отщипнула кусок от грудки. Жора заметил на пальце приставший спиралевидный волос. – Увидишь там свою подружку, передай

ей, что она у меня будет жужжать, как. Как муха на булавке. Мне такие школьницы нравятся, синеглазые. И они от меня тоже без ума. Честно.

Жора вышел в коридор. Леночка стояла в противоположном конце вагона, у дежурного купе, и внимательно изучала расписание.

– Пойдем, – сказал ей Жора.

Леночка оглянулась на него. Глаза сонные.

– Отстань.

– Ты что, хорошая моя, собираешься всю ночь здесь куковать?

– Я хотела сказать проводнику, чтобы он убрал ту женщину из нашего купе. А проводника нет. То ли спит, то ли гуляет, то ли просто не хочет открывать. Странный какой-то тип, – Леночкины губы задрожали. – Что происходит, Жора?

– Да перестань. Он «под дымом» наверняка, этот твой проводник. Сейчас отсыпается. Его из пушки не разбудишь.

– А эта женщина?

– Обычная проститутка «на день рождения», ей заплатили, чтобы кого-то там поздравить – вот она и старается. Наверное, перепутала вагон или поезд, или еще что. Ей, кстати, выходить на Кореновской.

– Кореновская. – Леночка отыскала строчку в расписании. – Три часа шесть минут. Стоянка две минуты. Еще целый час. Даже с хвостиком.

– Идем, – Жора положил руку ей на талию и притянул к себе. Он почувствовал, как Леночка сразу напряглась. – Тебе надо поесть и отдохнуть.

– Не хочу. Через двадцать минут Новорудный, я там выйду.

– Конечно, – сказал Жора. – В два часа ночи. Какой-то сраный Новорудный.

– Не ругайся.

– Подумай о папочке с мамочкой. Через неделю им придется переться в эту дыру, чтобы опознать твой труп, собранный по кусочкам из разных мусорок.

Леночка отвернулась.

– Дура ты, Лозовская. И не лечишься.

– Сам ты. Болван.

Из первого купе высунулось заспанное мужское лицо.

– Але, молодежь, – сказала лицо. – Поговорите в тамбуре, лады?

Жора схватил Леночку за плечи и развернул к себе. Она попыталась вырваться, дернулась пару раз, пискнула: «пустиии!» – но Жора держал крепко. Ее лицо покраснелось, губы опухли, влажные глаза блестели, словно ей закапали атропин.

– Все. Идем. Не дергайся. Сейчас поешь и ляжешь спать. Утром выйдешь на первой станции, к полудню будешь дома.

Леночка сделала еще одну героическую попытку освободиться.

– ...а этой Инге скажем, чтобы надела трусы. Пошли.

3.

Балчи и Ахмет стояли в тамбуре пятого вагона, жевали кодеиновые «моргалики» и курили, как не в себя. Сорок минут – полпачки «Винстона» как не бывало. Спать им придется не скоро, за мутным окном ночь с грохотом катится в тартарары, горло саднит. Зато когда придет утро, все будет кончено, и сон на долгом переезде Ростов – Новочеркасск станет заслуженной наградой.

– Чудная какая-то парочка, Ахмет, – Балчи размазал окурочек в жестяной банке из-под рыбных консервов. – Я вот думаю: нет ли здесь какого западла?

– Этот говнюк спрятал товар и не хочет показывать, – проворчал проводник, морщась от едкого дыма. – Вот и все запахло.

– Думаешь, догадывается о чем-то?

– Не должен. Хотя, кто его знает. Я в 96-м на московской линии работал, когда снял двоих. Хозяину-то все равно, кто несет товар, он фамилию не спрашивает, к тому же у меня он возьмет на пять процентов дешевле, чем у курьера, ему ж выгода только. – Ахмет поежился, обнял себя за плечи. – И мне выгода. Тогда, в 96-м, Нияз, брат, как раз съезжал из Баку – деньги во как нужны были, хоть в петлю лезь. И вот я смотрю: лохи из Чилихинской пятнадцать кило «черни» вынесли, сидят в купе, после поллитры лыка не вяжут, баба и так и сяк перед ними, мясом крутит – хоть бы хны. Ну, что мне было делать?..

– Да, теперь курьеры осторожные стали, – сказал Балчи. – Похитрели.

– И не таких хитрожопых видели. И ломали. И...

– А если он никакой не курьер?

Проводник посмотрел на Балчи, как на последнего идиота.

– Да я этих ханырей третий год туда-сюда вожу, ты что думаешь? В Москве Лойд, в Мурманске – Сивый. Никогда, запомни, Балчи, никогда в наше купе не сядет чужой человек.

– Да уж прямо.

Ахмет закашлялся, сплюнул.

– Ты сейчас болтаешь, как баба, слушать противно. Тебе сказали: никогда. Никогда – это значит никогда! Такой закон природы. Да ты на рожу хотя бы посмотри. Рожа! Он неделю этой рожей колючки пахал, от разъездов прятался. Ты хоть раз видел человека, у которого земля под ногами горит? Ну и захлопнись. Все.

Некоторое время они стояли молча. Ахмет бросил в рот «моргалик», стал жевать. Вены на висках взбухли, дыхание участилось.

– Вот сука, – он покрутил головой. – Еще девчонку сопливаю где-то прихватил, пыль в глаза пускает. Ничего, мол, не знаю, мы на экскурсию едем.

– Может, он ей свой товар и запихнул куда-нибудь? – Балчи улыбнулся.

Ахмет прикурил новую сигарету и тут же с отвращением отбросил.

– Скоро узнаем, – сказал он.

4.

Кафан лежал на багажной полке плацкартного вагона № 16 и считал ментов.

По степи крадется три тысячи сто сорок один мент; а вот три тысячи сто сорок второй мент побежал; три тысячи сто сорок третий, три тысячи сто сорок четвертый. И так далее. Кафан считал, чтобы не уснуть. Он знал, что пока менты крадутся по степи, его глаза будут открыты. Рефлекс. Или инстинкт?.. Какая разница.

А Шуба дрых с двух часов ночи, скотина. Скрутился калачиком, слюни под щеку пустил – лежит, дрыхнет, воняет. Шуба привык быть на подхвате, ему на все плевать. Простая философия: когда начальству надо будет, тогда его разбудят.

Кафан повернулся на спину, поднес часы к глазам. Двадцать минут четвертого. Еще рано. Надо ждать.

Три тысячи сто сорок шестой мент. Три тысячи сто сорок седьмой – ого! жирный такой, затылок в три этажа, воротник форменной синей сорочки потемнел от пота. Крадется. Ползет. Хочет отобрать у Кафана товар, падаль, и сам нажраться героином, запустить свою рожу в порошок по самые свинячьи уши. Хрю, хрю. Ну, это еще как сказать. Кафан с Шубой тоже не первый год в степи, у них на этот случай есть пара простых, как грабли, приемов. Например: Шуба берет наизготовку бесшумный пневматический пистолет, они из него куропаток подстреливают, когда жрать сильно хочется. Берет Шуба эту дурилку, прицеливается и санда-

лит жирному по жопе. Так, чтобы самым краешком задело, чтобы с оттяжкой, чтобы жирный подскочил вверх на полметра. Есть. И вот тут уже Кафан достает своего «бригадира» и берет мента на мушку. Бах! Попал. Одиннадцатый калибр, старина, это когда кишки через спину вылазят, чувствуешь? И вот жирный лежит в верблюжьей колючке, отдыхает, воздух над ним дрожит от мух, в брюхе у него сороки хозяйничают, трещат, хвосты растопырили, щиплют по кусочку, красота. Остальные три тысячи сто сорок шесть ментов ни хрена понять не могут, вертят головами: что? откуда? где? А вы ползите, ничего. Ползите, ползите, служивые, у вас работа такая. Три тысячи сто сорок восемь, сто сорок девять.

Кафан снова повернулся на бок. Мышцы запели нестройным жалобным хором. Проводница, эта стерва крашенная, даже матрас не дала, пожалела. Нет, степь уж на что сухая и колючая, а куда мягче, чем багажная полка. И шире – не свалишься. И ночь там не такая душная.

Без двадцати пяти четыре. Кафан приподнялся, свесил ноги.

– Шуба, – шепотом позвал он. – Вставай. Пора.

Шуба простонал что-то во сне. Потом вдруг резко дернулся, ударился головой о потолочную панель.

– Ёооо-о-о.

– Тихо. Слезай, пошли. Время не ждет.

– Ага, – пробормотал Шуба, зевая. И тут же загремел вниз, как груженный камнями чемодан. Звякнула посуда на столике. Кто-то вскрикнул на первой полке. Послышался скрипучий голос:

– Воняют тут. Как козлы. И шумят еще вдобавок.

Кафан проронил негромко:

– Смотри, как бы у самого дерьмо из ушей не полезло.

Он помог Шубе подняться, легонько врезал ему по роже, чтобы просыпался скорее, потом взял с полки оба рюкзака, кивнул в сторону тамбура.

– Пошли.

В тамбуре они закурили. Шуба стоял, скорчившись, смотрел в дымящееся далеким утренним светом окно, от холода щупал себя под мышками.

– То духота, – ворчал он, – то холод. Хрен поймешь. Чего ты меня потянул сюда?

– А ты собираешься до самого Мурманна на третьей полке дрыхнуть, ишак? – Кафан открыл дверь в грохочущую клетушку между вагонами, помочился туда и сплюнул. – А товар где спрячешь? Под головой?

– Не знаю, не думал, – честно признался Шуба. – Я когда засыпал, представлял себе: вот если бы Вирус вдруг здесь объявился, то я бы...

– Сунь лучше язык в задницу и молчи, – отмахнулся Кафан. – «Я бы», «я бы...» Сейчас пойдем искать наши места, те самые, что Вирус просрал. Попробуем столкнуться с проводником, он что-нибудь придумает для нас. – Кафан глянул на свои часы. – Четыре утра почти, народ дрыхнет без задних ног, никто на нас глазеть не станет. Заодно стрельнем денег по дороге, подстрахуемся на всякий поганый случай... Что ты уставился на меня, как фиг на бритву? Что непонятно?

Шуба зябко поежился, сунул ладони глубже под мышки. Зевнул.

– А как мы их найдем? Ну, эти места? Ты что, экстра... этот? гипнотизер?

– Мозгами надо шевелить, ишак, – поморщился Кафан. – Купейный вагон – это раз. Последнее купе. Для курьеров всегда последнее бронируют, чтобы у туалета. Это два. И три: туалет будет закрыт, типа залило или ремонт... Кто тебя такого тупого родил, Шуба, а? Вот блин. Четвертый год уже ездешь, пора соображать что-то, думать.

– Чего мне думать... – Шуба опять зевнул, широко, по-собачьи. – Я на подхвате, мое дело товар на горбу таскать да в морду бить, если что.

Кафан покрутил в пальцах окуроч, хотел выбросить, потом передумал, затушил о стену и – степная привычка – сунул его в карман.

– Ладно, – сказал Кафан. – Светает. Пора двигать. Нам еще пятнадцать вагонов пройти и не споткнуться ни разу.

Вагоны с шестнадцатого по десятый – плацкартные, здесь грязно, пахнет несвежим бельем и острой едой, люди спят вповалку где в два, а где и в три этажа. Душно. Сумки, картонные ящики, пыльная обувь в проходах. Кафан присматривался к пассажирам, вычислял среди них будущего «спонсора»... – нет, не то, опять не то. Иногда он запускал свою длинную обезьянью лапу на багажную полку, шарил там в поисках бумажников и часов. Пусто.

– Нет, ты только глянь, Кафан, – зашипел Шуба, дергая товарища за рукав. – Телки. Телки. Сколько телок, Кафан, хоть бери в обе руки, и... Нет, ты видишь?..

Шуба, как загипнотизированный, уставился на какую-то юную пассажирку, разметавшую по нижней полке смуглые голые ноги.

– Да сдохнуть мне на этом самом месте, – прошептал Шуба, – если я...

Кафан с разворота навесил ему в ухо. Схватил за отвалившуюся нижнюю челюсть, придвинул к себе.

– В следующий раз яйца отобью, ишак. Нам деньги нужны, деньги – понял? Пошел вперед. Быстро.

В одиннадцатом вагоне Кафан нашел то, что искал. На боковой полке спал пожилой кавказец в красных «рибокских» трусах, на вешалке висели вельветовые штаны и приличный костюм-двойка. Кафан неслышно залез на багажную полку, в самом дальнем углу обнаружил туфли из мягкой дорогой кожи. Заглянул внутрь, на стельке нарисован бабский силуэт с какими-то клунками в обеих руках, рядом написано крупно: «GUCCI». Полторы сотни долларов как минимум. Кафан усмехнулся. Возможно, этого богатого лоха тоже подставили, как и его с Шубой, иначе как бы еще он попал в плацкартный вагон на боковую полку?

Курьеры вернулись в тамбур, заперли в угольном шкафу свои рюкзаки, быстро обсудили план действий.

– ...В общем, если вдруг откроет глаза – бей сразу по кочану, чтобы даже маму родную наутро не вспомнил. Усек?

Шуба закивал, он усек. По кочану – это без проблем, тут думать не надо.

Первым делом Кафан обшарил пиджак кавказца, затем штаны. Всего несколько вшивых купюр по пять-десять тысяч и шелуха от арахиса. Он снял сумку с багажной полки, залез туда. Сверху лишь газеты и белье, дальше лезть – шум один, толку мало.

Шуба стоял над пассажиром, держа кулак наизготовку.

«А почему бы, – думал он, – почему бы нам с Кафаном не обшарить какую-нибудь. во-о-он там, скажем, во втором отсеке – блондинка, нестрашная вроде, горячая, лежит себе, уж бы точно знал, где у нее чего искать, в каких местах и...»

– Сюда смотри, дурень. Смотри в оба глаза, – услышал он над самым ухом рассерженное шипение.

Кафан осторожно запустил руку под подушку. Кавказец тихо всхрипнул, перевернулся на спину. Кафан застыл.

Через минуту он там что-то нащупал, Шуба это понял по глазам. Вагон качнуло, за окном непрерывным X-X-X-X-X-X замелькал железнодорожный мост. Перестук колес зазвучал громче, раскатистей. Кафан сжал губы, кивнул на кавказца – мол, сейчас тяну обратно, будь начеку.

И в этот момент глаза беспечной жертвы широко открылись. Серые глаза с дрожащими спросонья зрачками. Кавказец уставился в потолок, будто там что-то было написано, потом нахмурился, приподнял голову – и увидел Шубу.

Кафан рванул на себя руку из-под подушки.

Рот кавказца открылся, как лоток в мусоропроводе, но Шуба врезал прежде, чем оттуда вылетел хотя бы звук. Голова упала на подушку, из носа вылетела какая-то дрянь, веки опять наехали на глаза, на лбу над переносицей расплылся розовый след в виде какого-то иероглифа. Это как знак качества: Шуба работал с гарантией.

– Нормально, – шепнул Кафан, показывая тугой бумажник. – Сгоняй за рюкзаками, встретимся в девятом вагоне, в нерабочем тамбуре.

На бумажнике тоже была нарисована баба с клунками и стояли буквы GUCCI. Внутри, кроме дюжины медицинских рецептов на имя Картадзе И. А., направления на флюорографию и нескольких детских фотокарточек Кафан и Шуба обнаружили восемьсот тысяч российскими и двести пятьдесят долларов мелкими купюрами.

– То, что доктор прописал, – заулыбался Шуба.

Они пошли дальше. В девятом купейном вагоне оба туалета были открыты и работали. Кафан осторожно приоткрыл дверь последнего купе, увидел спящего мальчишку лет пяти и рядом его мамашу в бигудях. Это явно не то.

Зато в восьмом вагоне.

В восьмом вагоне был ресторан, и он, как ни странно, работал – там пахло свежей аджикой и крепким бульоном, а за дальним столиком похмелялись два раздетых по пояс волосатых армянина. Из кухни показался бармен в накрахмаленной рубашке, крикнул:

– Закрываемся, все! У нас спецобслуживание!

– А у нас с другом как раз спецталоны завелись! – крикнул в ответ Шуба, доставая из кармана десятидолларовую бумажку и махая ею над головой.

Кафан матюкнулся под нос. Ишак нюхал этого Шубу, дурня, ну, честное слово. Кто же тратит доллары, которые еще даже не остыли от руки прежнего владельца?

Но менять что-то было поздно: десятка в одно мгновение перекочевала в карман бармена, Шуба уже прилип к стойке и нетерпеливо перебирал ногами, тыкал пальцем в меню и громко нес какую-то чушь из серии «Армянское радио».

– По сто пятьдесят сделаем? – обернул он сияющее лицо к Кафану.

Тот махнул рукой: делай, как знаешь.

Через минуту места разговорам уже не осталось, степные курьеры молча сосредоточенно потели над рублеными котлетами по-кубански и над пузатым графином, на дне которого плавали две перекрученные лимонные корки. Гулять так гулять, шло бы все в задницу.

5.

Первый раз Жора проснулся, когда Инга натягивала на себя короткие желтые шорты, и из кармана у нее просыпалась мелочь. Она включила малый свет, села на корточки и собирала деньги, напевая что-то под нос, а ее голая грудь висела буквой".

Инга поймала Жорин взгляд, улыбнулась, сказала:

– Через десять минут Кореновская, котик. Отшумела роща золотая...

Жора тоже улыбнулся и закрыл глаза.

Когда он проснулся второй раз, Инги уже не было, свет горел по-прежнему, а со столика исчезла бутылка «Дынной». На часах 03.10. Жора приподнялся, чтобы дотянуться до выключателя – в этот момент Леночка вскрикнула во сне. Он подошел к ней, поправил съехавшую простыню, снова лег. Уже в постели подумал, что у нее, возможно, начинается жар. А может, это просто духота. А может, это.

В третий раз Жора проснулся, когда кто-то тихо произнес над самым ухом:

– ...дерьмо собачье. Открой пасть, говорю.

Он увидел прямо перед собой широкое лицо Ахмета и черное вороненое дуло «глушилки», от которого пахло чем-то прокисшим.

– Или я тебе его в жопу запихну и выстрелю, не веришь?

Жора осторожно пошевелился под одеялом – и тут же заработал рукояткой пистолета в челюсть; еще не успели погаснуть звезды перед глазами, а ствол уже торчал у него во рту и на зубах скрипело железо.

– Вот так, правильно, держи, – прохрипел Ахмет. – А теперь вставай, быстренько, по-пионерски. И – ни звука.

Проводник ждать не умел, он сразу протолкнул пистолет чуть ли не до глотки и поднял Жору за волосы.

– На коридор, – скомандовал он вполголоса.

Теперь дуло переключалось на затылок. Перед тем, как открыть дверь, Жора увидел под сиденьем свою распотрошенную сумку; на полу с тихим глюканьем перекатывалась бутылка арманьяка.

Он вышел в коридор. Сзади щелкнул замок, Ахмет закрыл купе на ключ. Коридор заливали густые утренние сумерки, на полу тлело пятно оброненной кем-то апельсиновой шелухи. Поезд спит, и в то же время колеса твердят бесконечное «туда-туда. туда-туда», а за окном проносится серо-черная кардиограмма леса.

– Налево, в тамбур.

Жора повернул налево, толкнул дверь, потом еще дверь. Дуло в такт шагам подпрыгивало и копошилось в углублении на затылке. Босым ногам стало зябко.

– Лицом к двери. На колени.

– К какой двери? – уточнил Жора.

Удар. Ахмет врезал пистолетом плашмя по уху и виску, потом ногой в позвоночник. Жора чуть не влетел носом в консервную банку с окурками, подвешенную на наружном дверном окне. Еще удар. Когда Жора открыл глаза, он увидел перед собой переплетенные ромбы, это рисунок на железном полу. Из уха текла кровь.

– Лицом к двери, джигит, – шипел где-то рядом Ахмет. – На колени.

Жора не стал переспрашивать, плевать ему, какая там дверь, он приподнялся на руках, встал на колени и уставился в перечеркнутое блестящими горизонтальными поручнями окно.

– Руки за спину.

Небо из мышино-серого успело превратиться в светло-серое, сейчас где-то часа четыре, наверное.

– Чего тебе надо? – спросил Жора, складывая руки за спиной.

– Товар, – просто сказал Ахмет. – Ты везешь с собой товар, я хочу знать, где он.

– Какой товар?

Удар по затылку, Жора лбом воткнулся в дверь.

– У нас очень мало времени.

Кошмарный сон, подумал Жора.

– Да откуда я знаю, что за товар тебе нужен, придурок?! – заорал он. – Ты хоть можешь называть вещи своими именами...

Удивительно, как эта дверь еще не вылетела наружу. Колеса стучали под самым ухом. Жора опять увидел перед собой ребристый пол, там красные ромбы – это кровь, она похожа на какую-то карточную масть. Бубна, кажется. Рядом дышал Ахмет.

– Я считаю до трех.

– Хорошо, – сказал Жора, приподнимаясь. – Я везу товар, договорились. У меня много товара. Я не знаю еще, что это за товар, но он у меня есть. Что дальше?

– Не звезды, джигит. Говори, где порошок.

Жора сглотнул. Порошок, порошок... Наркотики, что ли? Мысль понеслась, запрыгала, завертелась на месте.

– Я... Я хочу знать, что со мной потом будет.

– Выйдешь в Ростове, – сказал Ахмет. – Дальше можешь делать что угодно, хоть дуй обратно в степь к Зиге, за новой партией.

– А деньги?

Дуло проехалось вверх-вниз, топорща волоски на затылке. Ахмет, наверное, там давится со смеха.

– Будут деньги, – сказал он наконец. – Все будет, джигит. Или – ничего... Итак, я внимательно слушаю.

Жора лихорадочно соображал. Заманить этого идиота обратно в купе? Нельзя, там Леночка (вот елки, опять она не пришей рукав). На коридор? Нет. Здесь, в тамбуре? В туалете?

– Ладно, – пробормотал Жора. – Хорошо. Только чтобы без дураков.

– Говори...

– Товар под вагоном. Снаружи.

Пистолет в руке Ахмета как-то странно дернулся.

– Врешь. Там его негде прятать.

– Все так думают, – сказал Жора. – Вот поэтому я его туда и пихнул. Там какая-то труба, и швеллер. Там, короче. Я покажу, когда будет станция.

6.

Балчи стоял в коридоре, ему опять хотелось курить. Он видел, как Ахмет вывел полууголого засранца в тамбур.

Балчи примерно знал, что они там сейчас делают, он даже догадывался, что этот полууголый засранец обратно в свое купе уже не вернется. Закон природы, как говорит Ахмет. Сейчас без пяти минут четыре, ни одна душа не услышит приглушенный хлопок выстрела – это железно, тоже закон. Ровно в четыре десять девчонка с переломанной шеей будет упираться лицом в собственную задницу – опять закон природы; в четыре пятнадцать поезд будет переезжать мост через один из безымянных притоков Дона, и через сутки-полтора тела отнесет течением к Зернограду или даже к самому Веселовскому водохранилищу – вот тебе и четвертый закон. Все будет так.

Конечно.

Только курить хочется.

Балчи уперся руками в поручень и стал смотреть в окно. Ему почудился какой-то шум. Ахмет вообще шумный человек. Широкая натура. Брата любит, Нияза. Жену любит, эту, как ее... Солмаз. Купил для своей Солмаз машину – пятидверный «пассат», чего там, семь тысяч долларов для любимой жены не жалко. Через два года «пассат» стал тарахтеть, как вертолет, и царапать брюхом асфальт – двигатель и ходовая полетели. Теперь Ахмету нужны деньги на новую машину, во как нужны, хоть в петлю лезь – потому что любимая жена и все такое. И вот сейчас Ахмет в тамбуре кровью и потом зарабатывает еще один «пассат», или «поло», или «акуру». Настоящий мужчина. Шумный немножко, но это...

Балчи вздрогнул.

Шум.

Опять шум.

Но он почему-то раздается со стороны рабочего тамбура, хотя Ахмет с этим засранцем находятся в противоположном конце вагона... и это не совсем тот шум, который Балчи ожидал услышать.

Там, кажется, кого-то зовут.

7.

– На какой еще станции? – оскалился Ахмет. – О чем ты говоришь, джигит? Порошок должен быть у меня через две минуты.

Проводник отошел на несколько шагов и что-то швырнул к Жориным ногам. В полумраке тихо звякнул металл.

– Подними. И открой наружную дверь, скоренько. На раз-два-три.

Вот этого Жора никак не ожидал. Он наклонился, пошарил руками. Ключ. Да, это ключ, длинный и допотопный, с толстой бородкой, такой же был когда-то у отца – он запирали им сарай, где хранилась моторная лодка.

– Что уставился? Действуй, джигит. По-пионерски, скоренько.

Жора поднялся с колен, сунул ключ в прорезь, подергал. Услышал, как тихо и легко отошли в сторону ригеля. Он взялся за ручку и потянул дверь на себя.

В тамбур с грохотом ворвался студень утренняя воздух, хлестнул по голым ногам, по животу, закрутился, потянул за собой. Жора схватился за поручень. Внизу под насыпью мельтешила, сливаясь в сплошную буро-зеленую ленту, трава, словно кто-то ее приглаживал невидимой рукой; дальше она снова выпрямлялась, топорщилась, разбивалась на отдельные травинки и кустики, припорошенные угольной пылью. Столбы, столбы, провода, столбы. Гремящие под ногами колеса.

Ствол глушителя опять нащупал ямку на затылке.

– Теперь ползи за порошком, – спокойно сказал Ахмет. – Труба, швеллер. Ищи.

– Я же свалюсь, – Жора облизнул губы, почувствовал кровь.

– Ну, тогда тебя метров на тридцать размажет, джигит, и кишки в столбах запутаются. Ничего не поделаешь, Родина сказала – будешь держаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.